

ДИАНА КУРАМШИНА

ВЫБОР
СУДЬБЫ

Диана Курамшина

Выбор судьбы

«Автор»

2026

Курамшина Д.

Выбор судьбы / Д. Курамшина — «Автор», 2026

Мара – могучая и пугающая многих богиня смерти и загробного мира. Особенная, выделяющаяся сред иных божеств славянского пантеона. И её жрицы ей под стать. Потому не всякая готова принять в себя подобную силу, отдающую морозом, мраком и тленом. Но и отказаться – навлечь на себя не только гнев вышних сил, но и ярость соплеменников. Вдруг Мара будет мстить за такое неуважение всей общине? А что, если место перепуганной девчонки из IX-го века займёт та, что родилась на рубеже III-го тысячелетия? Сможет ли она не просто встроиться в новый для неё мир, но и стать там своей? Или же сокрушить кажущиеся непреодолимыми преграды и самой стать хозяйкой своей жизни, судьбы... ну и про божественную покровительницу забывать не стоит! Допустит ли она подобные бесчинства?

© Курамшина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	22
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	30
ГЛАВА 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Курамшина

Выбор судьбы

ПРОЛОГ

Высоко стоявшая над небольшой прогалиной луна освещала тихо плачущую девушку. Особенно серебрилась в лучах светлая макушка и вспыхивали искорками при каждом всхлипе разметавшиеся косы. Дева прижимала руки к лицу и медленно раскачивалась, стоя на коленях. Она не озиралась и не прислушивалась, словно её совершенно не беспокоили ни странные скрежетания ветвей в кронах от небольшого ветра, ни уханье, раздающееся вокруг, ни то загорающиеся, то гаснущие огоньки в глубине леса. Хотя лики деревянных идолов, что возвышались полукругом у края поляны, в неясном свете становились зловещими и должны были вызывать оторопь. Особенно когда медленно проплывающие облака отбрасывали на лица истуканов тени и те искажались жуткими гримасами. Тогда казалось, что вырезанные черты оживали и шептали что-то неслышимое.

Вот только плачущую ничего не волновало. Она, словно агнец на закланье, покорно склонилась у широкого, но невысокого валуна, вся наружная поверхность которого была покрыта рисунками и рунами. Некоторые детали узора частично скрывались под слоем земли, так что точный размер самой глыбы оставался неизвестен. Впрочем, долго рассматривать его ни у кого не получалось. Хотелось отойти и отвести взгляд. Ведь камень источал не только осязаемую силу, но и морозную стужу. Это чувствовалось даже на расстоянии, несмотря на почти полетнему тёплую ночь. Скорее всего, именно поэтому примерно на аршин вокруг него ничего не росло, хотя с ранним приходом весны повсюду начала буйствовать зелень.

Вдруг все звуки смолкли. Казалось, даже ветер утих. Повинуясь прошедшей по поляне незримой волне, юница тоже замерла и, подняв голову, принялась вглядываться в темноту.

В нескольких пядях от идолов, в мрачной тишине, словно даже лесные жители испугались творящегося, всё увеличиваясь и закручиваясь, стала сгущаться белая хмарь.

Прошло всего несколько минут, и вот уже огромное кольцо туманного водоворота в косую сажень размером повисло почти посреди прогалины. Из него показалась изящная стопа с молочно-белой кожей. Вслед за ней вылетели несколько снежинок и, кружась, опустились на камень. Очень медленно начала появляться ножка, обтянутая подолом белого платья, вышитого серебристым узором. Стоило той коснуться земли – и вокруг неё тут же проступила изморозь.

Постепенно вышедшая из тумана женщина была невероятно красива. Искрящееся в лунном свете платье облегло фигуру и подчёркивало высокую грудь, тонкий стан и широкие бёдра. Пышные чёрные волосы струящимся каскадом опускались чуть ли не до земли. Голову украшал серебряный венец с переливающимися драгоценными камнями. С него время от времени сыпались снежинки и растворялись в сиянии одеяния. Тонкие пальцы правой руки сжимали высокий посох, широкой дугой закруглявшийся на конце. Но когда прибывшая шагнула ближе к склонившей голову девушке, отведя посох в сторону, стало заметно, что он заканчивается серпом, сверкнувшим в свете луны своим заточенным краем.

– Ты всё-таки решилась, – произнесла женщина.

– Мне не оставили выбора, – тихо ответила юница.

– Это неправда. Выбор есть всегда! И только от человека зависит, верно ли он поступит. Будет ли силен его дух, чтобы принять правильное решение. А не предпочесть лёгкий путь.

ГЛАВА 1

Пробуждение было отвратительным. Всё ломило. Голова раскалывалась, а тело будто попало под каток. Я вроде не должна была болеть. Пандемия давно закончилась, да и для гриппа ещё не сезон. Меня обычно так выкручивало только при простуде.

В сознании мелькали какие-то странные образы, но из-за заторможенного состояния я не могла на них сосредоточиться. То ли обрывки сна, то ли воспоминания... Хотя... какие у меня могут быть воспоминания с хороводом вокруг костра? Я и в деревне-то ни разу не была. А тут... деревянные дома... река... песни... колосющиеся поля ржи... и...

Кто это плачет над ухом постоянно? Ещё надрывно так. Ключница, что ли?

Минуточку... какая ключница в моей однушке? Что за странные ассоциации?

Так... Я вроде на концерт с подругами собиралась. К тридцати с копейками годам у этих стервоз, что знают меня со школы, стало отчётливо доминировать желание приобщаться к культурному отдыху вместо алкогольных посиделок, так любимых ими в молодости... Вот они и решили вытащить меня, дабы оторвать, наконец, от документов, цифры в которых уже сливались перед глазами и грозились лишить зрения. Ведь годовой отчёт в довесок к квартальному спихнули на меня и в этом году. Снова! А что делать, если супруга шефа занимает должность главбуха чисто номинально? Хотя высокая зарплата начисляется ей вполне реальными деньгами. Зато есть я, которую уже несколько лет кормят обещаниями о повышении. Как и бельгийским шоколадом, что коробками таскает мне начальство в марте по такому случаю. Да у меня диабет так скоро начнётся! Притом от одного взгляда на эти излишества.

Дома-то его есть уже некому. С такой работой ни один мужик долго рядом не задерживается. Альфонсов я не приемлю чисто на генетическом уровне, а нормальный сам требует заботы и горячих ужинов, на которые у меня банально нет ни времени, ни сил. Когда я добирюсь до квартиры, всё, на что меня хватает, – это душ и спать. Хотя... иногда душ я пропускаю. Главное – добраться до кровати.

Вот подруги и заявили, что будем расслабляться, отдыхать и справлять весеннее равноденствие. Иначе я так с ума сойду со своей работой. Хотя начнём чуть позже, в пятницу. Кто же виноват, что праздник на середину рабочей недели приходится? Вот говорят, предки его аж седмицу справляли. Так что мы не сильно опоздаем!

Господи, кто же плачет так надрывно над ухом-то? Терпеть просто невозможно! Участкового на вас нет! Уймите уже её кто-нибудь, она превышает все допустимые нормы шума. Когда я немного громко музыку послушала при последнем расставании, так быстро вызвали. А тут...

Не выдержав подобного звукового издевательства, я с трудом разлепила глаза и выдохнула от натуги. Плач и причитания прекратились, зато появился шум в ушах и перед глазами поплыли круги. Что за чертовщина? Во рту как в Сахаре. У нас что, после концерта попойка была? Решила попросить пить, но вместо слов изо рта вырвалось какое-то карканье. Ну уж вороной я точно быть не могу! Рядом теперь уже пронзительно закричала невидимая мне женщина, и послышался удаляющийся топот.

Тишина! Как же хорошо. Отсутствие раздражающих звуков немного успокоило голову, и глаза опять закрылись. Но ненадолго. Топот повторился, теперь уже приближаясь.

– Любава! – услышала я хриплый мужской голос и почувствовала, как сжали мои плечи.

Хм... кто такая Любава? Всю жизнь была Мариной, ну порой Маринкой... В некоторых компаниях, что собирались в институте, даже Мэри... Но в последнее время обычно слышала только обращение «Марина Анатольевна».

Меня несильно тряхнули, и вокруг загомонили несколько человек. Причём на странном наречии. Хотя отдельные слова были понятны. Какая-то славянская помесь русского языка. Это напомнило мне поездку в Прагу лет десять назад, когда мы с девчонками впервые самостоятельно выбрались за рубеж. Стелла говорила немного по-английски, но это не сильно помогло. Чехи, что встречались на улице, его не знали. Пришлось объясняться знаками и проходить экспресс-курс языка. Так что если напрячься, то общий смысл при общении с местными можно было уяснить. Ну и на этом спасибо.

Вот и сейчас. Мужчина громко возмущался, а ему вторила женщина, порою срываясь на визг. Было что-то про обман... и наказание... Уж думала, до драки дойдёт. Но...

Меня ещё раз тряхнули, и я открыла глаза. Лучше бы этого не делала. Почти упираясь носом в нос, на меня пялился диковатого вида мужик. С бородой и длинными светлыми взлохмаченными волосами, в которых отчётливо проглядывала седина.

– Любава!.. Жива!

Это единственное, что я поняла из его сбивчивой речи. Он продолжал что-то говорить, ласково поглаживая меня по голове. Не знаю, что подействовало: заботливые интонации, счастливое выражение его лица или нежные прикосновения, но я улыбнулась.

Слезинки выкатились из его глаз и быстро растворились в густой бороде.

Шум в голове стал нарастать, а к горлу подступила тошнота. Так что я закрыла глаза и неожиданно провалилась в спасительное забытье.

Следующий раз проснулась уже в тишине. Было светло, и первое, что привлекло моё внимание, – потолок. Притом не ровный и гляцевый – подвесной из собственной квартиры, а деревянный – из необтёсанных досок. Щели в нём были заткнуты травами и мхом. А ещё запах! Луговых цветов... и чего-то странного. Память почему-то твердила, что так пахнут животные. А вернее, коровы. Но... откуда я могу это знать? Во всевозможные зоокафе ходить у меня время не было, а из братьев наших меньших я была знакома только с кошками и собаками. И они так не пахли. Ну, во всяком случае, кошки. В детстве у меня была серая полосатая красotka, что однажды прибилась к дверям нашей квартиры. Десять лет она спала вместе со мной и уж точно не обладала подобными ароматами.

Так, нужен больший обзор! Тело ещё не слушалось, но голову я смогла немного повернуть.

Твою ж!!! Так я всё-таки в деревню попала?! Мы точно не могли настолько напиться. Или нам что-то подмешали? Не помню... вроде солидное место. А где девчонки?

Так... и что за бедная такая деревня, в которой не то, что телевизора, стульев нет? Стены не очень большой комнаты, примерно четыре на пять метров, тоже оказались деревянными, но были сделаны прямо из цельных стволов. Они что, по старинным технологиям дом строили?

Пару лавок у стены разбавлял только небольшой сундук, на котором спала девчонка лет двенадцати на вид. Сюр ситуации довершало то, что одета она была не в джинсы и майку, а в какой-то балахон. На вид дерюга дерюгой. И накрыта облезлой меховой шкуркой. Моих подружек же вокруг не наблюдалось.

Почти у меня в ногах обнаружился стол. Как легко догадаться, деревянный. Без пластиковой скатерти. Да безо всякой скатерти. Он был уставлен глиняными плошками и крынками. За ним возвышался странный предмет. Но я почему-то была точно уверена, что это прялка. Зато за ней... огромный камин! Вернее, горящий очаг с котлом и закопчённая стена, выложенная камнем до самого потолка, упирающаяся во что-то, напоминающее вытяжное окно.

Пол в комнате, в отличие от потолка, выглядел тщательно отполированным, но не блестящим. Каждая деревяшка была аккуратно подогнана к другой, щелей не видно вовсе. Мусора не наблюдалось. Видимо, хозяйка была трудолюбивой.

Интересно, как люди здесь живут и на чём зарабатывают? «Зелёная» ферма? Или вообще какой-то экоресторан для повёрнутых на природе? Сейчас многие грезят о возврате к корням

и всё́м таком. Интересно, далеко ли до цивилизации? Ведь в больницу-то наверняка в город ездят. Не сюда же врача вызывают?

Боже! Надеюсь, мобильник не стянули. Нужно будет, если что, заблокировать карты.

Тут мой взгляд остановился на маленьких окнах, из которых лился неяркий и какой-то мутный свет. Это точно не стекло. Бычий пузырь – выдало подсознание.

Я разглядывала комнату, и меня стало мучить какое-то несоответствие. Было что-то необычное. Но вот я никак не могла понять что.

Долго лежала, уставившись на красный угол, пока не осознала. Не было икон. Вообще. Никаких! На полочке под рушниками выстроены фигурки людей и животных. Что за странные экологи? Язычники?

Волнение потихонечку затапливало сознание. С трудом сдвинув голову, я нашла взглядом свою руку, которая по ощущениям лежала поверх плохо обработанной меховой накидки. Они ещё и браконьерством промышляют?

В этот момент меня охватила паника! Эта рука была не моя! Тонкие пальцы безо всяких следов маникюра. Немного грязи под грубо обрезанными ногтями. Кожа хоть и молодая, но эти руки явно привыкли работать, а не стучать по клавиатуре маникюрным шедевром.

Хотелось кричать, но я лишь безмолвно шевелила губами. Боюсь, тоже не моими.

Идиотских книжек про попаданок не читал, кажется, только безграмотный. Неужели я попала в магическую вселенную, и меня ждёт дракон с собственным королевством или накачанный ректор-оборотень?

Окстись, Марина! С твоим счастьем, судя по тому, что наблюдается вокруг, не стоит рассчитывать ни на что большее, чем участь крестьянки.

Угу... и как я тут буду жить? Не думаю, что мне сильно помогут навыки международного бухгалтерского учёта. Кстати... а я двигаться вообще могу? Я что, буду крестьянкой-калекой?

Так!!! Нужно успокоиться! Что там говорил этот... как его... с видеокурсов йоги? Дышим ровно и размеренно... Успокаиваемся...

Как хорошо, что при прошлом пробуждении я ничего такого не наговорила. Да и как говорить? Я их почти не понимала! И еле дышала. Так... Спокойно! Молчим и впитываем язык! Вчерашний мужчина был... Боже!!! Надеюсь, это отец. Господи! Пожалуйста! Пусть это будет отец!!! Если нет, не удивлюсь, если бывшая хозяйка тела руки на себя наложила. Ведь, судя по тонким пальцам и молодой коже, мне явно меньше двадцати. Интересно, тут зеркало есть?

Ага!!! Судя по обстановке, максимум, во что я смогу посмотреться, – отражение в воде! Фуф! Кажется, пальцы рук двигаются. О ногах подумаю чуть попозже...

Так... минуточку! Что-то я расслабилась. А почему я вообще здесь? Ну, не конкретно в комнате... а в этом теле? Нужно вспомнить, что произошло.

Я прикрыла глаза и попыталась сосредоточиться на воспоминаниях. Вот мы добрались до концертного зала. Сели. Что же было потом? Почему я не помню самого концерта?

Чем больше я пыталась, тем больше начинала раскалываться голова.

Вдруг я «увидела» мост через реку, толпу... и себя, как-то со стороны. Я почему-то кричу и отказываюсь переходить на ту сторону. И тут появилась женщина... от которой просто фонило силой и властью. А ещё... холодом...

В голове как будто что-то лопнуло, и я закричала. Падающий с высоты огонь! Выстрелы... Дикая боль! Нет!!!

– Любава!.. Любава!

Меня растолкала девчонка, что до этого спала на сундуке.

– Воды! – сумела прошептать, дрожа от увиденного.

В рот ткнулся кончик крынки, и я начала пить, почти захлёбываясь, терпкий травяной настой. Этот горьковатый вкус и ощущение наполняющей рот жидкости немного привели меня в чувство.

Я жива! Каким-то странным образом, но жива! В своём мире я, скорее всего, погибла. Но что-то произошло. Там! На мосту! Калинов мост... всплыло в сознании. Я не захотела уходить, и мне дали шанс прожить другую жизнь. Теперь бы ещё понять где. Люди вокруг говорили не по-русски... но... кто сказал, что я в своём времени? Не говоря уже о мире! Марина, ты же бухгалтер. Включи мозги и ищи ошибку в расчётах!

Так... Калинов мост – это всё-таки славянский фольклор. Поэтому будем надеяться, что мы на Земле. Судя по обстановке и «пузырю»... явно не в нашем веке. А древнерусский от современного мне языка отличается, как конная повозка от «Мазерати». Нет. Слишком мало данных для анализа. Можно ошибиться. Значит, нужно молчать и слушать.

Я улыбнулась девушке и постаралась взглядом передать свою благодарность. Поскольку ртом оставалось только хрипеть, делая вид, что речь мне пока недоступна. Та что-то запричитала и заметалась по комнате, убирая со стола. Видимо, её приставили ухаживать за мной. Скорее всего, они были знакомы с бывшей хозяйкой тела, а может быть, и родственница, так как девчушка без умолку тараторила, постоянно улыбаясь. Понимала я от силы одно слово из десяти. Но судя по общему смыслу, мне рассказывали последние сплетни. Насколько они важные, пока было непонятно.

Неожиданно убежав, помощница вернулась с деревянным ведром, полным воды, и продолжила щебетать, одновременно моя и скребя пол. Ну теперь хотя бы понятно, откуда такая чистота. Неудивительно, что пальцы моего тела в таком непотребном виде.

Болтовня девушки действовала успокаивающе. Шевелиться я пока не пыталась, а мозг усиленно работал, как в годы учёбы. Ведь, хотя я мечтала о совсем другой карьере, мать заставила пойти на экономический. В трудные девяностые она смогла вытянуть семью, пока отец мыкался с одной подработки на другую, проклиная правительство, что в одночасье развалило огромную державу. Как он не спился от подобной жизни? Скорее всего, и тут не обошлось без твёрдой руки матери. Так вот, по её словам, бухгалтеры нужны всегда и везде! Эх... мне бы сейчас её уверенность.

Стараясь полностью успокоиться, я мысленно составляла план действий. Когда задача кажется невыполнимой, прикинь общую схему, потом разбей её на более мелкие пункты. Затем каждый пункт – ещё на более простые задачи, пока у тебя не будет пошагового руководства. Чтобы в конце остались только чёткие действия, не требующие паники и вопросов. Очень простые и очень мелкие шаги! Удивительно. Но к вечеру, когда вернулся давешний мужчина, я уже почти перестала волноваться и как-то приняла факт своего «попаданства». Поэтому встретила мужчину слабой улыбкой. Мне предстоит долго «болеть», чтобы понять, где я. А главное, кто я. И как так произошло, что молоденькая девушка неожиданно оказалась бездушным телом, которым так лихо воспользовались те, кто закинул меня сюда. Кстати, а кто?

ГЛАВА 2

Первые несколько дней прошли малопродуктивно. Всё, что я узнала полезного за это время, – девушку, приставленную за мной присматривать, зовут Беяна.

Вообще, трудно учить язык, если тебе ничего не объясняют и не переводят. Порой даже общий контекст монолога, что беспрерывным потоком лился из уст Беяны, невозможно было определить. Иногда я вычленяла только имена, и то потому, что когда-то слышала похожие фамилии. А ведь они очень часто происходили от имён основателей рода.

Но на третью ночь кое-что изменилось. Я всё это время почти не двигалась, не считая же за экшен шевеление головой. Так что после нескольких часов сна просыпалась, и приходилось лежать, уставившись в потолок, размышляя о произошедшем. Дошло до того, что стала молиться, обращаясь к богу... или богам... учитывая разнообразные фигурки, расставленные в красном углу.

И тут... заметила странные зелёные огоньки, иногда появляющиеся и исчезающие где-то над полом. На следующую ночь они ещё несколько раз появились возле кровати.

– Помогите мне!!! – эмоционально шептала я, пытаюсь пошевелить пальцами и потянуться в сторону мигающих огоньков.

Наконец один из них возник на уровне глаз и прикоснулся небольшим струящимся отростком к моему лицу.

Боги! Было такое чувство, что сквозь меня пропустили электрический ток большой мощности. Тело выгнулось дугой, так, что опиралось только на макушку и пятки. Меня затрусил, а сознание отключилось.

Я оказалась на берегу ярко-красной реки. Хотя... может быть, она была огненной? Проносящаяся мимо субстанция не выходила за границы обрыва, но подходить к краю мне было страшно. Потому что в один момент она напоминала лаву, в другой – кровь... но главное, вселяла безотчётный ужас.

Справа от меня находился широкий арочный мост цвета раскалённого металла, и он был заполнен людьми. Они нестройной толпой направлялись на ту сторону, что тонула в белом мареве. Кто-то шёл целеустремлённо, а кто-то – постоянно оборачиваясь и выискивая что-то или кого-то позади. Они по одному появлялись прямо на кромке моста и, немного постояв на месте, брели вперёд.

Я заметила совсем юную девушку, что, оглянув других, шла обратно. Высокая, красивая, с роскошными бледно-пшеничными косами и яркими голубыми глазами. Такие очи поэты будут сравнивать с широкой и полноводной рекой. Она шагала уверенно, не задумываясь, что ей не уступят дорогу. И все расступались. Увидев, что я на неё смотрю, девушка помахала и, улыбнувшись, заспешила.

– Не могу подойти ближе, – заявила она, приблизившись к самому краю. – Протяни руку.

– Я не собираюсь туда! – произнесла нахмурившись, и даже, заложив руки за спину, отошла на пару шагов от моста.

– Глупенькая... Я – Любава!

– Я и так поняла! Лучше расскажи, зачем ушла за грань? Ведь совсем молоденькая была!

– Это очень тяжело, – вздохнула та в ответ. – Протяни руку, и ты познакомишься со всей моей недолгой жизнью.

Я оглянулась, пытаюсь понять, можно ли тут с кем-то посоветоваться, но позади меня никого не было. Только каменистый берег и тёмный лес, чернеющий на горизонте.

– Ну, давай же, – нетерпеливо поторопила Любава. – У нас не так много времени.

Вздыхнув, я немного потопталась на месте и, наконец, решившись, протянула руку, стараясь не прикасаться к мосту...

Меня вывернуло. Глотку страшно жгло, потому что из желудка уже извергалась желчь.
– Любава, милая, выпей это, выпей! Тебе поможет!

Голос Беяны с трудом пробивался сквозь шум в голове. Я почувствовала, как в рот полилась ужасная на вкус жидкость, но, сделав над собой усилие, всё же сглотнула.

Спазмы немного отступили, и я смогла вздохнуть, не боясь нового приступа рвоты.

– Слава Трояну! – произнесла Беяна, вытирая моё лицо мокрой тряпицей. – Я испугалась и хотела за боярином Ратмиром бежать. Думали, ты уже на поправку пошла... а оно вона как! Что случилось? – спросила она, ощупывая меня, потому что я смотрела на неё широко раскрытыми глазами. – Где-то болит?

Я не ответила, а просто заплакала, так как осознала, что понимаю её. Если ещё и говорить начну без того, чтобы кто-то заподозрил во мне неместную... вообще хорошо будет.

– Спасибо тебе... – прошептала еле слышно.

Судя по тому, что мне улыбнулись, а не спросили: «Ты кто?», произнесла всё правильно. Расслабившись же, провалилась в блаженное забытьё.

В голове один за другим всплывали куски жизни Любавы. Ещё почти двое суток я лежала в беспамятстве, впитывая разрозненную информацию и пытаюсь её анализировать.

Первое, что меня волновало, – где я? И ответ был с одной стороны чётким, а с другой – туманным. Находились «мы» в городище, или даже, можно сказать, небольшой крепостице Скугрев, что управлялась отцом Любавы, боярином Ратмиром. Тем самым мужчиной, которого я увидела, в первый раз открыв глаза.

Месторасположение сего населённого пункта соотнести с современной мне картой, что помнила, я не смогла, потому как из всех географических данных Любава знала только, что находится он на реке Передельня, что впадает в великий Славутич. Именно по нему ходят большие корабли из самого Новгорода в богатую империю ромеев далеко на полдень[1]. Ну а в крепостицу прибывали только мелкие купцы, служившие источником новостей.

Какое-то понимание дала информация, что род «наш» относится к племени кривичей, а значит, я всё-таки где-то на территории Руси, а не в Восточной Европе.

Политикой бывшая владелица тела в силу возраста и воспитания не интересовалась. Знала только, что где-то недалеко сидит князь Ярополк, которому городок платит дань. Части его дружины время от времени появлялись в крепостице, то ли демонстрируя уровень защиты, то ли напоминая, что «крыше» следует вовремя платить. Ну, ещё Любава помнила рассказы о хазарах, от чьих набегов, по идее, и должны были защищать воины князя. Кстати, как минимум половину войска составляли пришлые варяги с севера. Которых почему-то никто не называл викингками.

Что же касается «Кто я?» – всё оказалось интересно и запутано...

Дочь боярина... но при этом не сидела день-деньской за вышивкой, а занималась и уборкой, и готовкой... В этой большой семье вообще не принято было лениться.

Начать с того, что жён у Ратмира было несколько. Старшая, Зорица, взята из племени радимичей, откуда-то с юга. Батюшка по молодости ходил с дружиной старого князя, и решил «начальник», что неплохо бы заручиться поддержкой соседей. Вот отца Любавы и оженити. Первуша, их старший сын, сейчас также состоял при войске нового князя, как ранее отец. О нём воспоминаний было мало. Сводной сестрой он почти не интересовался. Выживший младший сын старшей жены по малолетству бегал и озорничал с другими детьми, сильно не доставая. Из старших дочерей Зорицы в семье оставалась только Божидара, и была она на пару лет младше Любавы. И вот с ней у бывшей владелицы этого тела часто имелись «разногласия». Остальные две дочери, к счастью, уже были замужем.

Многие считали, что Ратмир слишком привязан к Любаве. Так как её мать – Милица – умерла при родах. Кормилица говорила, что взята была Милица по большой любви в одном из племён кривичей, и печалился боярин сильно. Ибо красотой та обладала неопишуемой и Любава с ней «доже схожа ликом». Вот и напоминала дочь постоянно об ушедшей любви. Что, «знамо дело», со слов той же кормилицы, не прибавляло радости старшей жене. Которая и при жизни соперницы особой приязни к той не испытывала.

Правда, «печалиться» долго ему не дали. В доме появилась третья жена – молодая Всеслава. Говорят, Зорица сама настояла на её кандидатуре. Впрочем, это даже хорошо, потому как между этими жёнами царили мир и согласие. Видимо, Зорица вынесла урок из отношений с Милицей.

Старшая дочь Всеславы, Драгана, была существом тихим и ведомым. Ей сказали дружить с Божидарой, вот она и ходила за ней хвостиком, поддерживая во всём. Начиная с игр и заканчивая проказами. Остальные младшие дети обеих жён пока были слишком малы, чтобы как-то влиять на жизнь родни.

Так и получилось, что в семье с большим количеством отпрысков Любава часто чувствовала себя одиноко. Кровных братьев и сестёр не было, а со сводными «матушки» не считали нужным создавать ей родственные отношения. Пока рядом была кормилица, это как-то не сильно ощущалось, а после... Быть нянькой младшим её не звали, вот и оставалось только заниматься хозяйством вместе с приживалками да чернавками. Если бы не любовь отца и пригожее личико... быть бы ей ключницей в отчем доме до конца жизни, понукаемой всеми домочадцами.

Впрочем, даже сам Ратмир, несмотря на статус и положение, не чурался простых дел. Во время посевной занимался распашкой, а осенью – сбором урожая. Вместе со всей общиной валил лес или забивал зверя. Хотя... Вся жизнь городка, увиденная глазами Любавы, напоминала какую-то коммуны. Каждый должен был приносить пользу обществу и служить общей цели.

И вот тут и началась та беда, что привела к печальному концу.

Хотя... стоит начать издалека...

Религия для местных жителей не была чем-то абстрактным. Люди чтили целую плеяду богов, считая тех реальными. При каждом, даже небольшом поселении стояли идолы, было капище с одним жрецом или парочкой, что служили и приносили дары. Более крупные посёлки имели «дома», посвящённые кому-то из «высших». Здесь уже или постоянно, или преходяще находились волхвы – «говорящие» с богами. У волхвов редко бывали семьи, так как они чаще всего бродили из селения в селение, донося народу волю высших.

При этом самих жрецов было немного. Но с возрастом некоторые не могли уже исполнять свои обязанности, так что обычно каждые лет пятнадцать-двадцать или чаще, когда приходило время «смены состава», в поселениях проводился ритуал, согласно которому выбирались новые служители. Участие женщин не возбранялось. Более того, стать жрицей считалось весьма почётным. Особенно если предстояло служить великой богине... к примеру Ладе или Макоши... но можно было получить службу и у бога-мужчины. Семьи жриц имели почёт и уважение, так что от женихов обычно не было отбоя.

Любава, с детства обделённая материнской любовью, мечтала стать жрицей Лады. Та была покровительницей не просто влечения, а искренней любви, защитницей семьи и верности. А также, будучи супругой Сварога, занимала особенное место в пантеоне. Но...

На зимнем солнцевороте прибывший на праздник волхв неожиданно вызвал Любаву в ритуальный круг и при всём честном народе нарёк будущей жрицей Мары – богини смерти, тьмы и стужи.

Мир юной девушки в одночасье рухнул. Ведь, по местным обычаям, служительницы хозяйки Нави[2] не могли иметь семью, а соответственно, и детей. Считалось, что из-за связи

со своей покровительницей жрицы Мары буквально «выпивали» жизнь из своих мужей. Так что в этот день незнакомый волхв обрёл Любаву на одиночество до самой кончины. А ведь жрицы Мары жили долго... намного дольше простых женщин или служительниц других богов.

Может быть, Любава бы и смирилась с такой судьбой, но заметила выражение торжества на лице Зорицы и ехидную улыбку Божидары. Не сдержав обиды, девушка тут же бросилась в ноги отцу и слёзно начала молить освободить её от подобной участи. Не имея доказательств, на одних эмоциях, она обвинила «матушку» в подкупе волхва. Эх... молодость и горячность.

Естественно, Зорица воспользовалась моментом. Такой проникновенной речи «несправедливо обиженной» женщины никогда до этого местные жители не слыхивали. Тут был и плач... и посыпание головы землёй... в общем... всё по Станиславскому.

Бывшей хозяйке тела не хватило мудрости. Или того, кто бы её остановил и направил. Ведь если бы Любава обратилась к отцу уже дома, не прибегая к прилюдным обвинениям, то до дня посвящения Ратмир мог бы как-то договориться со старой жрицей. Или выкупить дочь, или же заменить кем-то, кто бы посчитал это лучшей долей. Но Зорица не упустила свой шанс и принялась всенародно напирать на то, что «неблагодарная дочь» не хочет исполнить свой долг перед общиной. А это уже грозило проблемами для всей семьи. И тут боярин вмешаться просто не имел права. Община была превыше каждого отдельного человека!

Кстати, община в эти времена была опорой и защитой. Земли, на которых выращивали хлеб, были общинными, лес, как и его дары, тоже считался общинным. При потере мужа вдова с детьми кормилась за общинный счёт. Даже ремонт дома ей делала община... И защищала от врага... ведь всё оружие и доспехи для небольшого отряда ополчения принадлежали общине.

И если вдруг община решала от кого отречься... страшнее быть ничего не могло.

Надев личину «строгого начальника», Ратмир повелел отвести дочь в «дом Мары». Невзирая на плач и мольбы Любавы, открыто противопоставлять себя людям боярин не стал. Думаю, если бы он хоть словом или взглядом обнадежил девушку, что хоть как-то придёт на помощь, то последующих событий не случилось бы...

Как бы то ни было, проплакав сутки... уязвлённая поступком отца Любава замкнулась в себе и не захотела никого слышать. Хотя старая жрица Мары вначале пыталась девушку как-то успокоить и что-то объяснить.

Оставшиеся до посвящения несколько дней послушница провела в одиночестве. Горячность юности и обида – слишком плохие советчики. Так что в последнюю ночь Любава направилась к обрыву у реки, где её утром и нашли.

—

[1] На полдень – на юге.

[2] Навь – потусторонний мир, мир мёртвых, где живут души после смерти, которым не удалось возвыситься по золотому пути духовного развития и подняться в вышние миры, обители богов. Наши предки верили, что здесь души очищаются, чтобы воплотиться вновь.

ГЛАВА 3

– Так я ж в первое утро, как ты очнулась, всё и поведала... – удивилась Беяна моей просьбе рассказать, что произошло после того, как меня нашли.

– Понимаешь... не помню я этого времени. Как в тумане всё. Глаза открыты, а сама будто и не тут была.

– Видимо, не до конца тогда тебя Мара отпустила, – сокрушалась девушка, перебирая сухие травы, что собиралась мне заварить.

Беяна оказалась жрицей Трояна, божества, отвечающего за целительство и врачевание. Она уже год как прошла посвящение и вполне освоилась. Лечили тут не только молитвой, ворожбой и магическими ритуалами, но и всевозможными травами. Хотя настойку или снадобе без правильного наговора могли и не принять. Потому волхвы или кудесники считались предпочтительнее простых жрецов.

– Волхв-то тот, как тебя нашли, исчез. Поговаривают, как прознал, что с тобой приключилось, так и в бега подался, – произнесла Беяна, с сочувствием взглянув на меня. – Боярин ведь наш, увидев, что несут тебя, спал с лица и осел наземь, да стал кликать воев (*воинов) привести того, ан не нашли. Сбёг супостат.

Девушка ненадолго задумалась о чём-то, но, встряхнув головой, продолжила.

– А батюшка твой потом сам до утра кроду (*погребальный костёр) строил, никого не подпускал. Серый весь стал. Будто заранее пеплом припорошенный. Отпевать же тебя Зорице приказал, да та Уладе, что помощницей ключницы у вас служит, бусы пообещала и вместо себя в нижней горнице и оставила. Так эта гусыня, как ты глаза открыла, так испугалась, что не к «матушке» твоей, а на берег реки к боярину с криком и прибежала. Зеньки выпучила, руками машет... насилу успокоили да выудили, что к чему.

Заварив травки и поставив те настаиваться, Беяна присела ко мне на кровать, став массировать мои ладони.

– Сколько крику было! Батюшка твой чуть Зорицу-то не зашиб, да Всеслава слёзно умоляла его ради радости такой простить.

– Почему же я здесь, а не дома? – спросила совершенно спокойно. Хотя наверняка для Любавы это являлось болезненным вопросом, и не задать его было совершенно невозможно. Однако как по мне, чем дальше от подобного гадюшника, что напоминало сие семейство, тем лучше.

– Так старая Преслава наказала подальше от всех поселить. Раз хозяйка Нави тебя вернула, значит, прав был волхв. Вот тебя в старый дом на выселках и отправили. Ну и меня... дабы выхаживала. Боярин ведь телка старшему жрецу в оплату привёл.

Судя по воспоминаниям Любавы, то был большой дом в несколько венцов (*этажей) с крепким деревянным забором за пределами крепостицы и посада. Проживавшая здесь в своё время семья «сгорела» от какого-то поветрия (*эпидемии), и с тех пор он пустовал.

– Каждый вечер батюшка твой наведывается. За два последних дня, что ты в бреду металась, Трояну сначала горлицу, а затем и кабанчика молодого во всесожжение принёс. Да Молчана вашего постоянно со снедью присылает и выспрашивать наказывает, что тут да как.

Странно, но никакой злости ни к «матушкам», ни к «батюшке» я не испытывала. Видимо, Любава их там простила, и даже остаточных эмоций не сохранилось. Хотя...

Когда вечером боярин Ратмир появился на пороге комнаты, сердце предательски жалось. Умом я понимала, что это, в принципе, совершенно посторонний для меня, Марины, человек... Но перед глазами всплывали моменты, как он играл с Любавой в детстве. Подарил первые ленты и бусы...

И не защитил... на глаза выступили слёзы, и я отвернулась.

Боярин, оставив большую корзину с едой на столе, сначала подошёл к лежанке, постоял немного, помяв в руке шапку. Затем, даже не сняв тяжёлой шубы, прошествовал к Беяне и тихо о чём-то её расспрашивал. Потом, так и не сказав мне ни слова, удалился.

Я себя после этого весь вечер корила. «Взрослая женщина, и не смогла справиться с подростковыми эмоциями!». Думала, Беяна начнёт попрекать таким отношением к отцу... но та благоразумно молчала.

Заметила, что для своего столь юного возраста девушка необыкновенно мудра. Видя, как меня расстроил приход Ратмира, она весь вечер отвлекала рассказами о своём нелёгком выборе.

Оказалось, после того, как Беяна прошла посвящение, к ней стали свататься сразу трое. Совсем юный парень, задумавший в следующем году отделяться от семьи. Молодой мужчина, решивший взять вторую жену, и взрослый по местным меркам человек, недавно овдовевший вновь и оставшийся с грудным ребёнком на руках.

В своём возрасте почему-то до сих пор не влюблённая в какого-нибудь молодого красавца юница очень серьёзно размышляла обо всех плюсах и минусах каждого кандидата. Прямо как корову на рынке выбирала.

– А разве не отец укажет, за кого ты пойдёшь? – не выдержала я подобной «трезвости», уверенная, что в это время решать подобный вопрос невесте никто не доверял.

– Да как меня Трояну служить призвали... это ж честь какая... так я у батюшки зарок и потребовала, что сама выбирать буду, за кого идти. Он тогда на радостях и пообещал. Но в девках ходить уже неудобно... засмеют перестарком. Или слух какой о порче пустят. Так что думаю, на конец брезозола (*апрель) и сговоримся. А после первых Осенин (*середина сентября, праздник окончания сбора урожая) и свадьбу сыграть можно.

Учитывая, что на дворе стояло только начало сечения (*февраль), девушка дала себе ещё как минимум полгода холостяцкой жизни. А значит, с выздоровлением мне стоит поспешить.

Дни зимой тянулись медленно. Отрезанная от мира и какого-либо общения, я страшно скучала. Книг и газет тут сроду не водилось. Развлекали себя люди холодными вечерами... трудом. Значит, и мне стоит чем-то заняться.

Промучившись пару дней, я через силу урезонила гормоны молодого тела и обратилась к Ратмиру с просьбой сделать для меня кресло с высокой спинкой и удобными подлокотниками. Всё это время мужчина приходил рано поутру и, оставляя корзину со снедью, общался только с Беяной, стараясь не попадать в поле моего зрения.

И вдруг... такая простая, легко выполнимая просьба.

– Конечно, – заявил «батюшка» не задумываясь, а на лице его проступила улыбка.

– Вот такое, – произнесла я, протягивая кусочек бересты, на котором с помощью остро заточенного уголька постаралась начертить схему. Не в трёх проекциях, конечно. Но с разных сторон, так что мастеру будет всё понятно.

К моему облегчению, руки начали более-менее сносно двигаться. Правда, сильно уставали. С ногами же была проблема: шевелить я ими пока не могла, но почувствовала. Просто попросила как-то раз Беяну уколоть стопу штопальной иглой. К счастью, боль была, и нога даже немного дёрнулась. Значит, позвоночник не повреждён. Неподвижность – это последствие падения. Придётся серьёзно заниматься своим новым телом. Благо кое-какие медицинские знания у меня были. В своё время я мечтала стать врачом, как папа. Правда, учитывая возможности местной медицины, на быстрое выздоровление надежды было мало.

Кресло принесли через три дня. Оно пахло смолой и морозной свежестью.

Попытка Беяны уместить меня в него могла закончиться катастрофой, если бы не Ратмир. Заметив намечающуюся проблему, боярин с лёгкостью подхватил падающее тело на руки

и уместил моё сидалище на мягкую подушку кресла. Что, учитывая его почти богатырский рост и размер, не составляло большой проблемы.

Зато теперь его утренний визит длился дольше. Мужчина дождался, пока лекарка приведёт меня в порядок, а затем аккуратно переносил в кресло.

– Что это ты делаешь? – спросил он через несколько дней, не уйдя сразу, а став присматриваться к рукоделию, что я начала выкладывать из лукошка на стол перед собой.

Он взял в руки цветы, собранные мною из кусочков ткани. В юности я как-то увлекалась канзаши и цветами из шёлка. Потом, правда, на всё это не осталось ни времени, ни сил. Найти шёлк здесь не видела возможности, так что в расход пошёл яркий сарафан из неизвестного материала, что был на мне в момент пробуждения. Благо сундук с вещами Любавы привезли сразу же.

«Матушка» не поскупилась, и для обряда сожжения после омовения выдала красивое одеяние... которое было мало уже всем, включая Драгану. Приживалкам же подобное было не по статусу, а вот так... вроде как «от доброты душевной», в дорогу «к роду» (*момент сожжения). Так что цветы были яркими, красивыми и выглядели как натуральные. Отец даже долго растирал в пальцах лепестки, напряжённо хмурия брови.

– Но они... – протянул он растерянно.

– Неживые, – ответила я усмехнувшись.

Боярин отрешённо посмотрел на меня и, по привычке протянув руку, погладил по голове. Проконтролировав себя, даже не шелохнулась. Мужчина же задумчиво подержал немного цветы в руках, затем так же пощупал подготовленные мной для работы кусочки ткани и направился на выход.

Странная реакция. У Беяны была другая. Вернувшись как-то днём меня покормить (с тех пор как я перестала постоянно лежать, юная сиделка стала уходить с утра и после обеда, чтобы выполнять свои обязанности жрицы), девушка замерла, увидев на столе собранную розу.

– Зимой? Откуда? – прошептала она, протянув руку, но не смея дотронуться до цветка.

– Сама сделала, – ответила я улыбуясь.

Только после этого Беяна осмелилась прикоснуться. Её почти детскому восторгу не было предела. Она кружилась с розой, прикладывая то к волосам, то к сарафану. Я пообещала пришить ей на ленту, чтобы можно было носить на руке. Теперь девушка ждала приезда купцов. Саный поезд должен был прибыть на днях по реке. В это время года это был самый удобный путь. Ведь нормальных дорог не было.

Интересно, заинтересуют ли подобные украшения купцов? И можно ли на этом что-то заработать? Немного монеток для жизни... Хм... хотя в привычном мне понимании сделать это будет проблематично. Как таковых «своих денег» сейчас на Руси нет. В ходу так называемый натуральный обмен. В обиходе шкурки различных животных или даже их кусочки. Драгоценные камни, бисер – не зря так любили девушки обвешивать себя нитями всевозможных бус. Это же такое богатство. Считай, как в моё время с золотыми цепями по улице ходить. Ну и, конечно, слитки металла. Хотя чаще всего гривны – скрученные жгуты из серебряной проволоки – носили на шее. Тоже признак статуса, более присущий мужчинам.

Память же Любавы показала мне, что у батюшки всё-таки имелся небольшой сундучок. С кунами – целыми серебряными монетами и резанами – их половинками. Но... учитывая арабскую вязь надписей на них, что в своё время с интересом рассматривала девушка, это, скорее всего, дирхамы. Динары, если не ошибаюсь, были золотыми. Однако кератиев (*мелкая византийская серебряная монета, примерно 2 г весом) я в памяти Любавы не увидела (в своё время я «подвисала» на нумизматике). Хотя, по идее, Русь усиленно торговала с Византией. Значит, товары и монеты по Великому шёлковому пути сюда добирались проще, чем с юга. А значит, и связи с восточными странами были прочнее. Правда... деньги могли попасть и от хазар. Ужасные набеги не мешали этим торговцам иудейского вероисповедания (*в начале

IX века основная часть аристократии и крупных семей Хазарского каганата приняла иудаизм) спокойно барышничать на Руси. Ведь мех, которым так славился север, был самым популярным товаром. Ну, если не считать рабов. Так что план финансовой независимости был пока слабоват и требовал доработки. В голове крутилась идея изготовления бумаги. Но в одиночку я подобное не осилю. Придётся привлекать ресурсы семьи.

Вернувшись в один из вечеров Беяна была какой-то дёрганой. Чуть не разлила похлёбку, что разогревала для меня, споткнувшись на ровном месте. Потом долго смотрела на огонь, присев у очага и вертя в руках ложку.

– Что случилось? – спросила я, пытаюсь привлечь её внимание.

Но девушка молчала.

– В чём дело? – произнесла я настойчиво, взяв Беяну за руку, когда та подошла убрать со стола. Она вздрогнула и сфокусировалась на мне.

– Преслава сообщила, что придёт сегодня навестить тебя.

Преславой звали старую жрицу Мары, что должна была провести обряд посвящения над Любовой. Возраст по местному времени у той был уже достаточно солидный. Ей перевалило за шестьдесят. Более сорока пяти лет она служила правительнице Нави. И хотя Преславу давно уже должны были сменить, почему-то преемницу так и не назначали. Мне подумалось, что после происшествия с бывшей хозяйкой тела выберут-таки другую девушку. Но я ошиблась. Меня решили не оставлять в покое. Даже в таком состоянии. Хотя, проведя все эти дни в тишине и почти одиночестве, я посчитала, что община отказалась от своей затеи и найдёт мне замену.

***

Преслава медленно вошла в комнату, когда солнце уже полностью село. Несколько ламп на топлёном животном жиру с трудом давали хоть какое-то освещение. Седые косы вечной девы достигали пола. Разукрашенный обережной вышивкой сарафан скрадывал шаги, и казалось, что женщина неспешно плывёт над полом.

Беяна с поклоном подвела её к скамье, специально поставленной рядом с моим креслом. Пока женщина усаживалась, жрица Трояна быстро убрала моё рукоделие. Хвастаться перед Преславой не хотелось, да и всё равно по такой темноте чем-то заниматься было вредно для глаз. А затем девушка услужливо накрыла на стол, принеся взвар и расставив тарелки с небольшими заедками. Закончив, по движению кисти служительницы Нави Беяна, поклонившись, рысью метнулась за дверь.

Жрица долго молчала, рассматривая меня. Иногда она поворачивала голову с бока на бок и прищуривалась.

Мне это быстро надоело, так что я аккуратно взяла деревянную кружку со взваром обеими ладонями и принялась пить маленькими глотками. Руки пока плохо слушались и иногда дрожали, а вес даже полупустой кружки был ещё слишком большим для ослабленных мышц.

– И как тебя зовут, незнакомая душа? – скрипуче произнесла Преслава, уставившись мне прямо в глаза.

Я чуть не подавилась настоем.

ГЛАВА 4

– Любава! – прохрипела я, откашлявшись, с недоумением уставившись на Преславу. Женщина сощурила глаза и, чуть придвинувшись, произнесла.

– Я же вижу, что нет. Если бы не метка хозяйки Нави, то давно бы уж обряд изгнания подселившейся сущности провела. Как только сказали, что отроковица ожила. Хотя... ещё пара дней – и разрыв потухнет, навсегда приняв тебя в тело.

– Вы видите души? – ахнула я растерянно. Хорошо, что больше не пила, а то опять бы подавилась.

Преслава взглянула на меня как на умственно отсталую и покачала головой.

– И ты будешь, – заявила женщина. – Все служительницы Мары обладают подобным даром. Это необходимая малость. А с возрастом и опытом набираешься знаний и умения.

– Но... зачем это мне? Тело девушки после прыжка со скалы повреждено. Я не смогу достойно исполнять службу, – попыталась соскочить с подобной участи.

– После обряда кости окрепнут. Даже медведя с дороги столкнуть сможешь.

– Но я не хочу! – ошарашенно возмутилась. – Да и Любава мечтала о семье и детях.

Эти желания юной девы почему-то не исчезли вместе с ней, наоборот, мы слились в какой-то странный симбиоз.

– На тебе печать Мары, дитя. И другая судьба уже не для тебя! – жёстко произнесла Преслава. В её словах звучала такая уверенность в предначертанном, что у меня аж внутри похолодело и всё сжалось. Показалось, что где-то завывала метель.

– А как же семья... дети... – прошептала я, еле сдерживая прорывающиеся всхлипы.

– Не для тебя! – отрезала жрица.

Я откинулась на спинку кресла и зло засмеялась, стараясь унять льющиеся слёзы...

– Не для меня придёт весна, – надрывно запела я, яростно взглянув на женщину.

И вишь Славутич разольётся...

И сердце детское забьётся...

Внутри, увы, не у меня...

(* немного переделанная песня на стихи А. Молчанова)

Преслава спокойно наблюдала мою истерику, лишь удивлённо приподняв бровь.

– Красивая песня. А дальше? – спросила она заинтересованно.

– Не для меня взойдёт луна,

В лесу тропинки освещая,

Там соловей весну встречает,

Он будет петь не для меня...

Не для меня, в саду растя,

Распустит роза цвет прелестный;

Погибнет труд мой безызвестный:

Цветок сорвут – не для меня!..

Не для меня, красой цветя,

Молодки встретят в поле лето;

Не слышать мне уж их привета,

Они поют – не для меня!..

– Это всё неважно и действительно не для тебя. Тебе предначертано большее!

– Всю жизнь прожить одной, отпевая умирающих незнакомцев?.. – яростно прошипела я, резко придвинувшись к женщине.

– Это всего лишь малая часть того, что ждёт тебя на пути служения Маре!

– О! Только не надо мне сейчас про спасение мира говорить! – жёстко оборвала собеседницу.

Такой канонический бред терпеть я уже не могла. Ещё бы о «борьбе бобра со злом» начала вещать. Внутри меня ощущалась огромная дыра, в которой завывала пурга.

– На тебе ответственность за жизнь рода и связанных с ним людей.

– Я никому и ничем не обязана! – прокричала в ответ, сжимая кулаки. – А тем более Любава!

– Мара дала тебе новую жизнь, – невозмутимо произнесла Преслава.

Кажется, чем больше я злилась, тем спокойнее та становилась.

– Спасибо ей за это, но становиться жрицей Нави я не собираюсь. У меня другие планы! Собеседница прикрыла глаза и тяжело вздохнула.

– Я уже трижды освобождала девушек от служения, приняв их участь на себя. Больше не получится. Моё время пришло.

– Что это значит?

– Уже три раза выбирали новых жриц мне на замену, но ни одна из них не захотела себе подобной участи. И я проводила обряд «переложения», продлевая срок своей службы. Взамен отпускаю их обратно в мир.

В этот момент Преслава показалась мне особенно уставшей и опустошённой.

– Четвёртый провести уже не смогу. Чувствую дыхание госпожи за спиной. Не позволит. Мне нужно подготовить замену, или быть беде.

– Я не согласна. Обряд выбрал Любаву. А она, как вы знаете, мертва. Моя душа не имеет к этому отношения! – ответила, внутренне дрожа. Вот бы я ещё в своё время так могла моему шефу отпор давать.

– Ты осознаёшь, чем это грозит роду? – мягко спросила женщина. – Кикиморы и мавки выйдут из повиновения. С моим уходом большая часть существей может погибнуть.

– Просто выберите кого-то другого – и всё! – решила добавить я, почувствовав возможность. – Не надо вешать свои проблемы на меня!

Я собой гордилась. Наконец смогла отстоять своё мнение, а не идти на поводу.

Преслава прикрыла глаза и покачала головой, будто решая, сказать мне что-то большее или нет. Помолчала недолго. Когда её веки приподнялись, я поняла, что передо мной уже не жрица. Зелёные радужки ярко светились, и казалось, что в них закручивается завораживающая спираль. Волосы женщины потемнели, словно окутавшись мглой. В комнате стало ощутимо холодно.

– Ты считаешь, душа, что ничего мне не должна? – произнесла та грудным голосом.

– Спасибо вам, что дали второй шанс, – ответила я, приложив руки к сердцу и пытаясь изобразить поклон в кресле. Смотрелось, конечно, курьёзно, но, учитывая мои ограниченные возможности... Мара восприняла это движение как должное и чуть склонила голову, принимая благодарность.

– Но разве я давала обет служения?

Честно говоря, ничего об общении с владычицей Нави «там» я не помню. Неужели что-то наобещала? Вряд ли. Я даже обычные контракты несколько раз перечитываю перед подписанием. А тут, не разобравшись в условиях... но ведь, наверное, можно опротестовать, заявив, что не поняла всей полноты задачи. Интересно... меня отправят обратно на «мост»?

– Нет, душа. Ты просто хотела жить и дала слово в новой жизни заботиться о ближних, невзирая на их вид. Уверяла, что в тебе нет предрассудков.

– Так я и не против. Но разве нельзя сделать это, не обрекая себя на вечное одиночество?

– Уходит любовь... уходят дети... даже желания быстротечны. И только служение благой цели остаётся неувядающим источником...

– Повторю... я не против помогать, – перебила богиню. – Вот заработаю денег...

– Ну вот... – расхохоталась она. – Ты думаешь и говоришь только о презренном металле.

– Чего же вы хотите? – я совершенно ничего не понимала.

– Ты считаешь, единственное, что делают мои прислужницы, – это провожают души умерших на Калинов мост? О нет... забот у них гораздо больше. Всё вокруг требует пригляда. В лесу лешие и мавки, в реке – водяные и русалки... Болотники, кикиморы, багряники, шишиги и полевые... Не говоря уже о домовых и других духах.

– И при чём тут это? – безмерно удивилась я.

– Все они навь, а значит, часть моего царства. Там, где нет моего служителя, не смогут жить и они. Всё просто.

– Да, люди только обрадуются, если всякой нежити в округе станет меньше! Мало, что ли, у них своих проблем, чтобы волноваться ещё и об этом... Всё окрест поспокойнее будет! Никого в воду не утянут, да в лесу не заблудятся!

– Уверена? – неожиданно улыбнувшись, спросила Мара и поднялась.

– Конечно!

– Ну хорошо... Готова ли ты нести ответ за своё решение?

– Естественно! – Уж очистить округу от всякой бесовщины – явно благое дело.

Богиня поднялась, протянула руку, и из её пальцев заструилась зелёная дымка. Та скользнула в мою сторону и, обвив кисть, впиталась в кожу.

– Как закончится время Преславы, на земли твоего рода не придёт другая жрица. Навь постепенно покинет край, как ты считаешь, к вящей радости жителей.

Я расслабленно выдохнула. Но богиня ещё не закончила.

– Не думай о презренном металле. Не для этого души раз за разом возвращаются в мир. Ты... должна помогать людям. Вижу... есть желание лечить. Разрешаю! Будешь видеть причину болезни и сможешь её устранить.

– Да в нашем городке прямо рай начнётся! – удивлённо хохотнула.

– Поверь мне, Правь от этого места будет очень далеко, – печально произнесла богиня.

Мы недолго помолчали, глядя друг на друга.

– Так значит, я могу не проходить обряд посвящения? – спросила напоследок, чувствуя, что Мара «уходит». Мороз перестал так сильно сковывать мои конечности.

– Если сама не захочешь.

– Ну уж...

Преслава тяжело опустилась на лавку, прикрыв глаза. Затем, оглянувшись, нашла взглядом кружку со взваром и притянула к себе. Несколько раз тяжело вздохнув, словно набираясь с силами, она отпила пару глотков.

– Зря ты отказалась от сана жрицы, – глухо бросила женщина.

Больше не произнеся ни слова, она тяжело поднялась и, выпрямив спину, удалилась.

– Ну что? – ворвавшаяся вскоре в комнату Беяна была встревожена. – Когда обряд?

– Его не будет, – ответила я ей улыбнувшись. – Мара меня отпустила.

Девушка ошеломлённо бухнулась на лавку и вдруг весело рассмеялась. Последние слова Преславы сначала зародили какие-то сомнения, но открытый смех моей сиделки вернул мне душевное равновесие.

С этого момента что-то изменилось. Я и раньше видела огоньки в доме. Но сейчас они стали принимать различные очертания. К примеру, возле очага бледно-зеленоватый дымок порой становился похожим на небольшого человечка. Иногда он вился у стола или перемещался к полкам с посудой. Несколько дней я исподволь наблюдала за ними.

А потом неожиданно заметила тёмные свечения, чем-то напоминающие слизь, что вдруг проступили на моих ногах и животе. Обнаружив их, с омерзением начала тереть, но ничего не получалось. В один день от злости я как-то умудрилась схватить эту дрянь пальцами и отодрать от себя. Хорошо, что в этот момент Беяны не было в доме. От боли я так орала, что другие

огоньки заметались от испуга по помещению и даже забились под пол. Но... мне стало заметно легче. А к вечеру я пошевелила ногами.

Увидевшая это Беяна вскочила с сундука, на который по обыкновению собиралась укладываться. Она принялась меня дёргать и тормошить, а также вспоминать своё лечение, пытаясь понять, на какую именно траву отреагировало тело. Пришлось рассказать ей о слизи и тех ощущениях, что пришлось пережить при расставании со столь прилипчивым субъектом.

Озадаченная девушка обещала на днях привести с собой кого-нибудь из страждущих, обратившихся за лечением на капище к Трояну, дабы протестировать мои новые способности. Но долго ждать не пришлось.

На следующее утро мы обрадовали боярина, когда я на его глазах с помощью Беяны поднялась и смогла недолго самостоятельно постоять, держась за кресло. Тем же вечером он вручил жрице большие височные кольца. Поистине, щедрый подарок. А ещё через сутки Ратмир пришёл с Молчаном, своим младшим сыном от Всеславы, мальчишкой лет семи. Пострелёнок часто выступал отцовским «курьером». Но в этот раз помощь нужна была ему.

– Видно, Троян щедро одарил тебя, – произнёс Ратмир, усаживаясь за стол. – У меньшого с недавних пор нет достаточно сил в левой руке. Если упорно не сжимает, всё валится. Раз ты дочь мою на ноги поставила, помоги и сыну. Неблагодарным не останусь.

Переглянувшись со мной, Беяна сняла с парнишки рубашку, осмотрела больную конечность и намазала остро пахнувшей жижей, попутно став читать заговор. Затем развернула руку мальчика ко мне и вопросительно вскинула бровь.

На локте Молчана расположилось какое-то существо, напоминающее помесь паука и сколопендры. Когда я стала пристально к нему приглядываться, оно зашевелилось и впилося большей частью своих лапок в руку. Мальчик от этого застонал.

– Можно попробовать, – произнесла я тихо. – Только, думаю, потребуется огонь.

– Боярин, доверяешь ли ты мне? – спросила Беяна, серьёзно взглянув на отца.

– Да, – как-то неуверенно ответил мужчина, тревожно переводя взгляд с неё на меня.

Жрица выскочила на пару мгновений из комнаты, а вернувшись, поставила на стол плоску с жиром, в которой горело с дюжину фитилей. Затем, подвинув лавку поближе, пересаживала на неё Молчана, расположив его руку на столе передо мной, а сама встала сзади, удерживая его за плечи. Умница! Сразу поняла, что мальчик, скорее всего, начнёт вырываться.

Я отрешилась. Прикасаться к существу было страшно. А вдруг нападёт? Это моя слизь была аморфной. А тут какое-то насекомое. Жаль, нет толстых защитных перчаток. Ну да ладно...

Открыв глаза, обнаружила, что пальцы будто окутаны зелёным дымом. Улыбнувшись, уже увереннее протянула руки к существу. Следует схватить с первого раза и не доставлять парнишке лишней боли.

«Я не боюсь!» – произнесла пару раз внутри себя, затем, выдохнув, схватила обеими руками эту гадость и, упёршись всем телом в стол, начала отдирать.

Молчан орал так, как будто его режут живьём. Вскочивший и заметавшийся по комнате Ратмир не понимал, что происходит. Сын вопил от лёгкого прикосновения сестры.

Осознав, что просто так оно не сдастся, одной рукой я продолжила тянуть, а другой начала отламывать лапки. Дело пошло быстрее, и наконец мне удалось отодрать извивающееся тельце от руки мальчишки и бросить его в пламя. Огонь в плоске вспыхнул, взметнувшись к потолку, чуть не опалив мне руки.

– Что это было? – спросил Ратмир, впившись пальцами в спинку моего кресла.

ГЛАВА 5

Измощённо откинувшись на спинку кресла, я просто прикрыла глаза, предоставив Беляне самой объясняться со взволнованным мужчиной.

– Вы же всё видели, боярин... – затараторила моя сиделка. – Любава, она...

– Она не болит больше! – всхлипнул Молчан, привлекая к себе всеобщее внимание. – И не падает ничего! Смотрите!

Мальчишка сжимал и разжимал ладонь, удерживая на весу ложку, которую каждый уважающий себя кривич носит с собой.

– Меня интересует другое... – начал было Ратмир, но запнувшись, улыбнулся сыну, затем немного помолчал и произнёс, повернувшись к нам. – Я вечером зайду, и мы поговорим.

Молчан постоянно теребил отца, что-то показывал ему на своей руке и, непрерывно сияя всеми зубами, болтал без умолку. Контраст с тихим и напряжённым мальчишкой, каким он был до этого, оказался ошеломляющим.

Проводив гостей, Беляна вернулась и, наполнив кружку взваром, аккуратно вложила её мне в сомкнутые ладони.

– Спасибо, – прошептала я устало.

Странно, почти и не двигалась, но было такое чувство, что разгрузила самосвал.

Кроме того, откуда взялась такая уверенность, что отделившуюся сущность следует непременно сжечь? Своих слизней я просто отбросила от себя. Даже не знаю, куда они потом делись. Но в обозримом пространстве их не наблюдалось. А тут...

Вечером «батюшка» так и не появился, зато прибежал Молчан. В этот раз корзинку он еле тащил двумя руками.

– Матушка велела тебе кланяться, – сообщил он, реально согнувшись в поклоне. – И благодарствует. Она сама бы зашла... но... батюшка с Зорицей... ругаются... поэтому поговорит с тобой уже в доме, как ты прибудешь. Сейчас ей нужнее быть там.

Улыбнувшись, отпустила мальчишку. Своё дело он выполнил.

– Вот это да... – ахнула Беляна, разгружая провизию. – Не поспешила...

– Как ты думаешь, – спросила я её за ужином, – может, мне не возвращаться домой?

Девушка аж поперхнулась и удивлённо уставилась на меня.

– Так не можно же. Ты не будешь жрицей Мары. Жить одной, вне кровли рода – попать устои общины.

– Просто не хочу снова видеть вечно мною недовольное лицо Зорицы. Там скандал, видимо, потому, что для меня готовят комнату. И эти её поправки, что не приношу пользу роду...

– Думаю, – прервала меня Беляна, – сейчас она против потому, что Добромил ещё сватов Божидаре не прислал. А ты уже не жрица...

Хм... вполне может быть. Зорица мечтала отдать дочь за кого-то из своего племени. Радимичи довольно часто приезжали в город. В основном по купеческим делам. Но в прошлом году ей как-то удалось договориться, и осенью вместе с караваном прибыли несколько богато одетых человек. Судя по тут же разлетевшимся слухам, вели они себя, словно царские особы в захудалом городишке.

Любаве они были не сильно интересны. Только как новость, которую можно обсудить с девушками в городе или на базаре. Если уж она и задумывалась о добром молодце, то это был Ратко... парень, не так давно поступивший в дружину отца. Правда, кроме взглядов украдкой и пылких вздохов между ними ничего не было. Слишком большая разница в положении. Но как-то раз, находясь совсем близко в толпе, Ратко нагнулся и прошептал ей на ухо, что добьётся

возвышения. В их маленьком городке этого было не достигнуть, так что парень попросил разрешения Ратмира и нанялся в варяжий хирд (*боевая дружина) чтобы попытать счастья где-то на стороне. Вот о нём сердце у Любовы и болело.

И естественно, словно в низкопробной оперетте, всё пошло совсем не так, как ожидали участники. Не знаю, о чём там договаривалась со своими родичами Зорица, но прибывший на смотрины молодой человек больше заинтересовался Любовью. Конечно же, Божидара устроила по такому поводу истерику, поддерживаемую собственной матерью. Они пытались на пару выклевывать мозг Ратмиру, но боярину было всё равно, какую из дочерей так удачно выдать замуж. Он не видел между ними никакой разницы.

В общем... в семье творился полный дурдом. Любава почти всё это время пряталась в комнатах приживалок. Спроси кто её мнения, то она бы в пять секунд решила этот вопрос, с удовольствием отказавшись от столь «удачного» предложения.

Но... батюшка ударил по рукам, и радостные радимичи после нескольких дней переговоров и застолий убыли, чтобы летом прислать сватов. А... на зимний солнцеворот (*день зимнего солнцестояния – 22 декабря)... заезжий волхв неожиданно объявил Любаву жрицей Мары. Так что будущим родственникам срочно отправили сообщение о смене невесты, сославшись на волю богов. Дабы рыбка не сорвалась с крючка, Зорица решила ускорить сватовство. Теперь радимичей ждали, как только лёд сойдёт с реки.

И вот... на тебе... Любава больше не жрица. И ладно бы осталась калекой. Кому такая нужна? Будет приживалкой в семье! Так нет же... на ноги встала, да ещё и лечит! Как посмела, бесстыжая?!

– Тем более не поеду! – заявила я, осознав всю глубину творящегося там сейчас ужаса.

– Боярин не позволит. Попрание традиций.

Тяжело вздохнув, попыталась отрешиться и найти возможные пути решения проблемы.

– Ты сильно устала? – спросила Беяна, осторожно разглядывая меня через стол.

– А что?

– На завтра двое человек попросились опробовать твоё лечение, – заявила она извиняющимся тоном. – Но, если ты и от одного так сильно устаёшь...

– Нет, пусть придут оба. Скорее всего, это как с мышечной нагрузкой. Вначале всегда тяжело.

– С чем? – Девушка смотрела на меня недоумённо.

– Видела, как вои иногда сражаются не по-настоящему? Тренируются. Готовят себя к будущим боям... Вот так же. Нужно чаще лечить. Тогда с каждым разом делать это станет легче. Не буду так уставать.

На следующий день Ратмир появился с утра и был, словно грозовое облако, тёмный и хмурый.

– А можно я пока ещё поживу тут? – огорошила я его сразу, как только перенёс меня на кресло.

– Почему же? Не хочешь домой? Ты же уже не станешь жрицей. Или что-то изменилось? – кидался он рублеными фразами. Видимо, супруга всю ночь жизни не давала.

– Нет... нет. Служительницей Нави я не стану. Просто... я ещё плохо передвигаюсь, и мне требуется уход. И спокойствие. А тут... Беяна очень хорошо ходит за мной... и... Я хочу войти в дом своими ногами, а не как калека... если проблема в оплате «дому Трояна»...

– Я понял. Тебе нужно спокойно выздороветь. А сейчас... женская сторона не то место, где мне самому хотелось бы находиться, – печально заметил боярин.

В ответ я улыбнулась и, взяв «батюшку» за руку, несильно её сжала.

– Пусть всё успокоится! Потом и вернусь.

– Но жить одной, только с Беяной и Виданом...

Упс... оказывается, всё это время на первом этаже проживал хромой воин из старого хирда боярина. Тот остался без семьи, так что Ратмир ввёл его в род на правах младшего род-

ственника. Видан стал чем-то средним между охранником и помощником по хозяйству. Ну да, как же... две девушки – и вдруг одни. Не подумала. Слишком разные менталитеты.

– Ты хочешь ещё кого-то прислать?

– Это когда думали, что тут живёт служительница Мары, вас за версту обходили. А сейчас... Несколько приживалок и охранников будут в доме. Много здесь и не поместится.

Как только батюшка ушёл, я аккуратно встала и, держась за стол, принялась потихонечку ходить. Перед Ратмиром придётся пока не показывать, насколько быстро прогрессирует моё исцеление. Иначе стремительно полечу под крылышко родителя. А туда отправляться не хочется. Что ещё придумает Зорица ради счастья своей дочери, мне проверять не хочется. Вроде бы нормальная женщина... но с огромным количеством тараканов в мозгу.

Тренировалась я недолго. Быстро выдохлась. От продолжительного бездействия мышцы ослабли, и ноги еле держали. На последнем круге чувствовала себя прямо загнанной лошадью.

Кое-как забросив своё новое тело в кресло, припала к кружке со взваром. М-да... Придётся ежедневно заставлять себя ходить. Иначе нормальной подвижности мне долго не видать. Благо к прибытию своих первых «общественных» пациентов я уже пришла в себя и выглядела более-менее собранной и соответствующей статусу.

Кхм... В дверях комнаты, переминаясь с ноги на ногу, стояло двое... ну, можно сказать... учитывая временные реалии, почти стариков. Да... я понимаю... люди пока сомневаются... Должна была стать жрицей Мары... Вдруг вместо лечения за Калинов мост уведу? Да и на служение Трояну я посвящение не проходила. В общем... всё не слава богам...

Улыбнувшись профессиональным, давно заученным, «оскалом» для встречи налоговых инспекторов, я попросила Беяну пока усадить пациентов у стены.

– Огонь нести? – тихо спросила моя новоявленная помощница, заинтересованно косясь на жмушующуюся на лавке парочку. Благо те не прислушивались, а рассматривали помещение.

– Нет, вроде не нужно, – ответила и, прищурившись, начала разглядывать больных.

Никаких сущностей у них на телах не наблюдалось. У женщины вился желтовато-серый туман вокруг головы, а у мужчины на груди проступали кляксы, похожие на мои.

Заметила, что если не напрягаться, желая разглядеть что-то пристально, то никаких аномалий не видела. Предполагаю, что было бы, если бы я постоянно наблюдала подобные проявления. Подозреваю, что сколопендра с руки Молчана – это только один из вполне невинных представителей возможных недугов.

– Сними с него рубаху. – Я решила начать с мужчины. Всё-таки слизь – более знакомый субъект.

Вновь представив на себе своеобразные «перчатки» из мерцающей зеленоватой дымки, прикоснулась к тёмной кляксе. И если то, что было на мне, ощущалось желеобразной слизью, что просто сильно прилипла и её можно было с усилием отодрать, то в этом случае показалось, что я вляпалась в мутную жижу. Её невозможно было схватить. Она даже пыталась обволакивать мою ладонь. Хорошо хоть руки были защищены.

– У тебя пелена (*небольшой кусок ткани) чистая есть? – перестав стараться ухватить «болезнь», обратилась я к Беяне.

– В сундуках, что из дома вашего прислали, должны быть.

– Горячий настой, которым ты мне ноги смазывала, налей в миску и туда же пелену положи.

Через несколько минут, водрузив руки на мокрую материю, я, прикрыв глаза, представляла, как вся она пропитывается насквозь зелёным огнём, что исходит из моих ладоней. Затем при помощи Беяны обмотала ткань вокруг торса мужчины.

– До завтра не снимай, – обратилась я к пациенту. – А поутру придёшь, скажу, что дальше делать.

И если жижу я надеялась растворить, то что делать с дымкой женщины, не представляла. Пока мужчина одевался и уходил, прикрыла глаза и пыталась найти решение.

Присевшая рядом пациентка смотрела отрешённо. Видимо, она уже ни на что не надеялась. Ну уж нет! Я так разозлилась, что мои ладони аж вспыхнули. Было похоже, как будто на пальцах горит огонь болотного цвета. И встав, просто положила руки на голову женщины.

– Очистись! Очистись! – страстно шептала я, прикрыв глаза. – Мара же обещала, что смогу лечить! Очистись!

Пошатнувшись, почувствовала, что меня подхватили чьи-то руки и усадили на кресло.

Открыв глаза, улыбнулась. Грязного тумана на голове женщины почти не было. Его кло-чья ещё виднелись по периметру, но основную часть я основательно «выжгла».

– Приходи через несколько дней, – тихо произнесла я, стараясь не сипеть. – Нужно будет повторить.

Женщина какое-то время хлопала глазами, поворачивала туда-сюда голову, затем просто бухнулась мне в ноги и залилась слезами. Частично уговорами, частично угрозами Беляне насилу удалось оторвать её от меня и вывести из комнаты. Глаза мои просто закрывались.

Теперь каждый день я принимала два-три человека. Желающих, конечно, было больше, но Беяна тщательно следила за моим самочувствием. Даже три иногда были перебором, и пациента приходилось переносить.

– Нет, так дело не пойдёт! – заявила через неделю моя помощница. – Дары Трояну это, конечно, хорошо, но без оплаты я больше к тебе людей пускать не стану!

– А Главан тебя не выгонит за подобное самоуправство?

– Куда там! После излечения всё равно пойдут к нему всеожжения приносить. У нас же теперь народу в доме... а продуктов Зорица присылает мало... ты же батюшке не будешь жаловаться. Он просто домой заберёт. Так что...

Да, в деловитости и рачительности Беляне не откажешь.

С одной стороны, жизнь немного наладилась: люди с большей охотой приходили ко мне за освобождением от всевозможных недугов, а с другой – потихонечку возрастало напряжение в общении с отцом.

Не знаю, что происходило дома, он не рассказывал, но всё чаще поутру, когда боярин приходил навестить меня, всплывал разговор о возвращении. Постоянно разыгрывать полную немощь я больше не могла и теперь перемещалась по дому, опершись на руку Ратмира. Хоть и приходилось показывать вид, что пока я делаю это с трудом.

Однако возникал вопрос... почему я не могу быстро излечить себя сама? И думаю, батюшка начал обо всём догадываться, потому что дней через десять мне заявили, что принимать больных я смогу и дома, и делать в этом месте мне больше нечего.

Назначили день переезда. Ведь как-то незаметно я обросла здесь большим количеством вещей, взявшихся просто из ниоткуда.

Вот только планам этим так и не удалось сбыться. В этот день я разругалась с Ратмиром вдрызг из-за пациента. А ничто, как говорится, не предвещало.

ГЛАВА 6

Потихонечку подходил к концу месяц сухой (*март), и погода портилась. Оттепель сменялась небольшими заморозками – и обратно. Словно природа так и не решила, придёт весна или нет. И... вне зависимости от века... наступило-таки время простуд.

Подхватить какую-нибудь заразу совершенно не хотелось, посему я аккуратно попыталась объяснить Беляне методику защиты от вирусов. Естественно, так их не называла, заменив на более понятных ей «злых болезненных духов».

У моей сиделки оказался уже подготовлен целый травяной набор против этого дела. Благо Беляна ещё летом собрала внушительную «фито аптеку». Хотя в особенно сложных случаях мне приходилось «заряжать» своим зелёным огнём промоченные в лечебных настоях куски ткани. Именно такой симбиоз давал, по недолгому опыту, лучшие результаты. А учитывая, что материя в это время – довольно недешёвое удовольствие, жрица требовала за него дополнительную плату. Потому некоторые, особенно ушлые, старались приносить свою ткань, надеясь сэкономить, да и мыслили, что у неё может быть многократный эффект. Всё польза!

Как бы то ни было, но в городке я неожиданно оказалась довольно популярным лекарем. И если после даров на капище жрец мог заявить, что бог остался недоволен и не послал излечения, то, когда за дело бралась я... облегчение и улучшение приходило обязательно.

На фоне подобного успеха отношения с батюшкой становились крайне напряжёнными. С одной стороны, ему хотелось, чтобы я, наконец, вернулась под крышу отчего дома. А Ратмир видел, что я всеми правдами и неправдами оттягиваю этот момент. С другой – старшая жена «капала на мозг», стараясь очернить так любимую им дочь...

И обманщица – всё-таки выберу служение Маре, но пытаюсь остальных ввести в заблуждение, а подобное враньё аукнется не только всему роду, но и городу.

И бесстыжая – в таком возрасте и при живых родителях живу без мужа и без семьи.

И транжира – род скоро разорится на одном моём содержании. И...

Последняя её идея, которой она «доводила» боярина, была недалеко от истины. А именно, Зорица заявила, что Любава-де умерла, а в её теле нелюдь из Нави. Интересно... кто подал ей такую умную идею? И что будет, если я признаюсь? Хм...

Всё это рассказывала мне Всеслава, неожиданно ставшая лучше относиться к Любаве. После исцеления Молчана она, кажется, решила не держать все яйца в одной корзине и наладить отношения ещё и со мной. Приезжая раз в два-три дня, младшая супруга Ратмира приносила все последние сплетни из отчего дома. От неё-то я и узнала, что выбешенный последней «разумной» идеей батюшка решил более не откладывать моё возвращение, а потому в ближайшие же дни, как сухая погода продержится хоть немного, оно и состоится. А ждём по причине того, что на лошади я не усую. Телега же просто застрянет в непролазной грязи. Всеслава, как настоящая амазонка, ездившая верхом, и то умудрялась немного запачкать подол.

Вот только в день переезда разразился грандиозный скандал...

К обеду прибыл Ратмир, чтобы самолично проконтролировать, что я всё-таки покидаю место «ссылки». Но явился он почему-то в сопровождении Зорицы. Женщина непрерывно что-то зудела рядом с мужем, отчего батюшку порой аж передёргивало. Благо супружница сильно не повышала голос и не мешала другим. Так что мужчина держался и молчал.

Когда наконец всё погрузили и дали команду отъезжать, а Беляна стала помогать мне надевать шубу, во дворе послышался шум и крики. Но всё быстро затихло, и в комнату ввалилось несколько человек.

Первым вошёл помощник боярина и сразу проскользнул к отцу. Они о чём-то шёпотом активно переговаривались. Чуть погодя влетел крепкий коренастый мужчина, как говорили

в моё время, кавказской наружности. Он постоянно оглядывался, пока в комнату не вступил невысокий, но мускулистый дядька с парнишкой лет десяти на руках.

Даже в противоположном конце помещения я почувствовала холод, исходящий от ребёнка. Хотя, судя по цвету кожи, у него был жар, и он метался в бреду.

Скинув так и не застёгнутую шубу на руки Беляне, я бросилась к пациенту, одновременно давая указания помощнице. Подвела мужчину, держащего на руках мальчика, к сундуку и помогла устроить парнишку сверху.

Сузив глаза, «переключилась» на магическое зрение и неожиданно почувствовала, что меня оттаскивают от больного, а Ратмир зло шепчет в ухо:

– Ты не будешь лечить этого хазарского щенка!

От неожиданности я выпала из своего «лечебного» состояния и ошарашенно уставилась на отца. Лицо его было гневно перекошено, а глаза, вперившиеся в «кавказца», просто метали искры. Что это с ним? Прикрыв веки, чтобы добраться до воспоминаний Любавы, поняла: таким боярина она тоже ни разу не видела.

– Это же больной ребёнок! – произнесла я, заглядывая Ратмиру в глаза, пытаюсь поймать его взгляд. Даже пришлось прикоснуться к руке и слегка сжать ту, вливая силу и пытаюсь успокоить.

– Ты же сама знаешь, скольких мы недосчитались в последней стычке! – прорычал он в ответ, не разжимая губы.

– Это просто ребёнок! Он то тут при чём? – для меня, жительницы двадцать первого века, потомки не несли ответственности за грехи отцов или родственников.

– А скольких чадушек (*детей) они угнали в полон, ты и сама знаешь! – возмутился мужчина и стряхнул мою руку.

– Конкретно этот хазарин?

Может, они знакомы с «кавказцем», что стоял рядом с ребёнком и с нетерпением мял в руках шапку, ожидая моего решения.

– Да они все такие!

– Если бы он был враг, их бы не пропустили на кордоне.

– Как ты можешь так говорить?! Пусть хоть все подышают. Им не рады в городе!

– Но так нельзя...

– Ты не будешь помогать им! Я сказал!

– Батюшка... видишь ли, в чём дело... я же не просто так получила «вольную» от Мары... – решила я пойти уже с «kozyрей». Не рассказывать же ему правила Гиппократов. – А дала обет, что буду лечить любого, невзирая на его вид и положение.

– Ты мне зубы не заговаривай! – взревел Ратмир, который в своём гневе стал чем-то напоминать медведя. Пушистая шуба это только усугубляла.

Зато Зорица, стоявшая у стены, прикрыла руками рот и пялилась на нас во все глаза. Бьюсь об заклад, придумывает очередную пакость. Такую возможность она не упустит. Это же какой оперативный простор открывается при моём неповиновении.

– Ты не понимаешь... – пыталась я достучаться до боярина.

– Сколько не вернулось... такие мужи сгинули...

И тут я осознала, что говорить с ним сейчас о чём-либо просто бесполезно. Ратмир меня не услышит. Гнев и боль просто застилают ему разум.

– Видан!!! – заорала я что есть сил. Даже батюшка отшатнулся.

Двигаясь совершенно бесшумно, в горницу вошёл мужчина. Высокий и широкоплечий. Чем-то напоминающий шкаф. Но невероятно гибкий. Даже Ратмир, при всём его богатырском телосложении, уступал ему в объёмах.

Узнав в тот день от батюшки, что с нами, оказывается, проживает ещё один человек, я стала приглашать его за наш с Беляной обеденный стол. Поначалу мужчина немного дичился,

но, когда людей в доме заметно прибавилось, был даже немного горд, что так его выделяют. Кому приятно быть мелкой сошкой на побегушках, при таких-то габаритах?

Вытащив из памяти Любавы всё, что та знала об этом персонаже, принялась понемногу располагать его к себе. Нужен был надёжный человек. Верный именно мне, а не Ратмиру. И Видан по своему характеру отлично подходил.

Положение тихой и незаметной «приживалки» у боярина из жалости и памяти к общему военному прошлому и статус близкого помощника известной лекарки – слишком разные. И дело было даже не в каком-то финансовом эквиваленте. Вовсе нет. Видан стал ощущать себя нужным. Можно даже сказать, особенным человеком.

Нет, он не делал ничего выдающегося. Придерживал пациентов, если я предполагала, что они будут дёргаться, или же строил из себя туповатого охранника, если пришедшие на лечение мне не особо нравились. Он видел моё отношение к нему... как к человеку.

Вечерами я рассказывала «сказки», а вернее, выдавала адаптированные под местные реалии фильмы, которые могла вспомнить. А потом обсуждала с «домашними», стараясь вовлечь Видана в беседы и спрашивать его мнение. Он обычно сидел в уголке, строгая разные фигурки из небольших кусочков дерева, нарубленных для растопки очага. И постепенно мужчина открывался.

Я даже обратила внимание, что ему нравится наблюдать, как после завершения сеанса лица людей просветляются, когда они чувствуют облегчение и надежду на скорое выздоровление. Присутствуя на излечении, он ощущал себя немного сопричастным к творимому чуду.

И, вызывая его, я надеялась, что всё это будет весить больше, чем слово «главы рода».

– Друг мой... удали всех посторонних из горницы. Мне нужно лечить! – обратилась к нему.

Кажется, остолбеневший от подобного обращения к «приживалке» Ратмир потерял дар речи и был слишком ошеломлён, чтобы сопротивляться. Или сама мысль о том, что он может быть посторонним для собственной дочери, вызвала «перегрузку мозга»? Как бы то ни было, Видану без скандала удалось очистить помещение. Для него это оказалось знакомым повелением. Вывести из комнаты всех, кроме Беяны. Что может быть тут непонятного? И он выполнил это беспрекословно, даже не взглянув для подтверждения на боярина.

Зорице же не нужно было отдельного предложения. Эта мадам выскользнула из помещения одной из первых, радостно ухмыляясь. Ну, дай боги тебе здоровья, женщина. А я свой Рубикон[1], кажется, перешла. Услышав же снизу прорезавшийся голосок «матушки», встрепенулась.

– Беяна, отца нашего пациента лучше вернуть, как бы батюшка не отыгрался на нём, как в себя придёт, – обратилась к помощнице.

Девушка молча кивнула и выбежала из комнаты, а я смогла вернуть внимание больному.

Мд-а... мальчик сильно ослаблен. Вся грудина насквозь пропитана уже знакомой мне склизкой массой. И, учитывая её обилие, боюсь, парочкой сеансов лечение не обойдётся.

– Вам придётся оставить отрока с нами, – обратилась я к «кавказцу», что появился в сопровождении Беяны.

– Я могу быть здесь с сыном? – спросил он почти без акцента.

– Нет. Этого боярин уже не стерпит. Вам придётся найти себе постой самостоятельно.

Мужчина понимающе кивнул и ласково провёл ладонью по голове мальчика.

С этого дня жизнь резко изменилась. После столь бесстыдного моего поведения из дома ушли почти все, кто жил с нами последнее время. Зато кормить такую ораву теперь не нужно было. Я решила, что врачеванием сможем жить не голодая.

Задержалась только Неждана. Я, честно говоря, не ожидала подобной верности, но оказалось, что эта чернавка с детства служит Всеславе и осталась по её прямому приказу. Теперь-то появляться в этом доме младшей жене батюшки было нежелательно. Так что у нас образова-

лась живая связь, которой Всеслава пользовалась постоянно, всё так же снабжая меня последней информацией о творящемся в доме.

А там было горячо. Ратмир рвал и метал в прямом смысле этих слов. Под горячую руку попало всем, включая детей. Батюшка решил, что их плохо воспитывают и не внушают достаточного почтения к нему. Так что...

Мальчик хазарин же выздоравливал очень тяжело. Чтобы он не мешал принимать других пациентов, по моему эскизу Видан (ведь он, как я заметила, неплохо ладил с деревом) соорудил подобие ширмы. А потом, как няньке, ему же пришлось ходить за мальцом. Благо мужчина не страдал такой патологической ненавистью, как Ратмир, хоть, думаю, немало и его боевых товарищей полегло от рук хазар.

Придя в себя через несколько дней, парнишка с интересом стал прислушиваться к происходящему в доме. Не знаю, понимал ли он язык, так как постоянно молчал. Но просьбы выполнял вполне осознанно.

Заметив, что сын начал идти на поправку, «кавказец» буквально завалил нас дарами. По словам Видана, люди из его сопровождения каждое утро приносили нам свежую дичь. Какие-то торговцы с рынка доставили несколько мешков с зерном. И это не считая небольшого сундучка с женским опашнем[2], шитым мелким жемчугом, что мне вручили в тот день, когда малец смог впервые членораздельно пообщаться с отцом.

В итоге почти месяц маленький хазарин пользовался нашим гостеприимством. Как бы люди в городе ни относились к его соплеменникам, но желающих прийти ко мне за лечением не уменьшалось. Скорее даже наоборот. Видимо, слух наконец дошёл и до ближайших поселений. Всё-таки земля достаточно просохла, и караваны начали двигаться не только по реке.

В день прощания я вручила мальчику «красу[3]», украшенную цветами моего изготовления. Когда он в первый раз увидел, как я их создаю, был весьма впечатлён. Наказала подарить той, которую полюбит, и девушка будет здоровой. Естественно, лента была «пропитана» моей силой.

Жизнь вошла в спокойное русло. Притворяться хворой мне было уже не нужно, так что, когда были силы и время, я старалась помочь по хозяйству Беяне, что всё ещё жила у меня. Ведь мы обзавелись собственной коровой. Эх... нам бы ещё кур... но есть только утки. Всё налаживалось...

Начало января (*май) обозначилось неожиданным визитом Ратмира.

– Собирайся, я за тобой! – заявил он с порога.

—

[1] Выражение «Перейти Рубикон» означает некоторое бесповоротное решение. История этого выражения восходит к событиям 10 января 49 года до н. э., когда Цезарь, бывший проконсулом Галлии, перевёл свои войска (которыми он по закону мог распоряжаться только в пределах своей провинции) через реку Рубикон и вторгся в Италию, что являлось актом открытого мятежа. Таким образом была начата гражданская война, которая привела к падению республики и диктатуре Цезаря.

[2] Опашень – старинная мужская и женская верхняя одежда. Имел откидные длинные широкие рукава, которые сужались к запястью. Руки продевали в особые разрезы, а рукава висели вдоль фигуры. Был украшен по краям шёлковым или золотым шитьём. Сзади пришивался подбитый мехом капюшон, висевший до середины спины.

[3] Краса – налобная лента с вышивкой.

ГЛАВА 7

– Батюшка, после всего произошедшего вы всё-таки решили забрать меня? – как ни старалась, думаю, до конца скрыть ехидные нотки всё-таки не получилось.

Я сложила своё рукоделие на столе и выжидательно уставилась на мужчину.

Зло зыркая по сторонам, Ратмир прошёлся несколько раз по комнате. Видимо, поняв, что другой реакции не дожждётся, ведь я не понеслась сразу же собирать вещи, боярин остановился и, тяжело вздохнув, рухнул на стоящую рядом лавку.

– Ехать нам надо, – произнёс он устало.

– Куда? – терпеливо спросила, знаками показывая Беляне поторопиться со взваром.

В эти времена не было на Руси традиции чаёвничать. Да и с заваркой затруднения. Покупать и пить какую-то китайскую травку? Ради чего такие траты? Вон, выйди в поле да нарви иван-чая, чабреца, душицы, мяты или лимонника. Добавь горсть сушёных ягод или цветов, той же ромашки или липы, что росли повсюду, вот и хороший взвар получится. А если медком приправить... от кружки не оторваться! И вкусно, и для здоровья полезно. Пили его когда хотелось, и традиции угощать подобным гостей не имели. Лето же было временем квасов! И по каким рецептам делали! М-м-м... В наше время и не снилось!

Для меня же, выходца из третьего тысячелетия, «распитие чая» было, конечно, не как «китайская церемония» по важности, но именно за такими посиделками мы часто собирались с девчонками, и порой мне этого не хватало. А первое время так вообще на кофе «ломало». И хоть тело Любавы никогда подобного напитка не пробовало, сознание упорно требовало привычного энергетика. Или хотя бы его запаха.

Так или иначе, но теперь любой гость получал в нашем доме кружку со взваром. И что удивительно, никто не отказывался...

– К князю, – словно «выплюнул» Ратмир, отрешённо уставившись в окно.

– Так и езжайте! Князя лишний день заставлять ждать не стоит.

«Начальство, оно такое, – подумала про себя. – В любом тысячелетии и в любой стране».

Боярин тихо выругался, глотнул взвара и заявил.

– Тебя он требует к себе!

– С какой это радости? – спросила ошарашенно.

Мужчина долго и внимательно меня разглядывал. Наверное, думал, как из тихой и послушной девочки получилась стоящая напротив него сейчас! Ну да, жизнь без батюшкиного надзора разбаловала. Для Беляны я была ведущей, для Видана же вообще «светом в окошке». Кого стесняться?

– Ты же сама хвалилась, что лучшая лекарка в округе, – раздражённо бросил Ратмир. – Вот и отвечай теперь!

Я закрыла глаза ладонями, немного потёрла лицо, надавливая на виски, и спросила.

– А что вас беспокоит, батюшка? Что не смогу вылечить? Или что прославилась?

– Не всегда княжеский интерес бывает к добру, Любава, – тяжело вздохнул мужчина.

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»[1]... ну, в этом случае княжеская. Это да.

– И не ехать, как я понимаю, нельзя?

– Нельзя. Ладья с небольшим хирдом прибыла. Ждёт.

Не скажу, что сборы были поспешными, хотя мы торопились. Не ожидала, но Зорица прислала пару сундучков с достойной одеждой и даже какие-то украшения матери Любавы.

Что за женщина! Никак, надеется пристроить меня где-нибудь там. И с родней удачно получится, выдаст дочь, как хотелось, и через меня к князю выход будет. Макиавелли[2] блин, на минималках.

Несмотря ни на какие мои уговоры, из-за решения отца Видану пришлось остаться дома, на хозяйстве. Беяна же вернулась к семье. Ратмир считал, что если у меня есть дар врачевания, то и без них справлюсь. А поддержать кого, если нужно, люди найдутся.

Путешествие по реке прошло гладко. Вечерами мы приставали к берегу, где располагалась на ночлег команда и охрана. Мне батюшка с корабля сходить не позволял. Может, боялся, что украдут?

А вообще, грабили в это время все, всё и везде. Любой кажущийся с виду «купеческим» караван мог оказаться шайкой разбойников.

Княжеским городом, к моему удивлению, оказался Смоленск. Вот уж не думала. На современный мне, конечно, совершенно не был похож.

Встретили нас без энтузиазма. Как-то даже тихо. Хотя я, привыкшая за эти месяцы к спокойному провинциальному городку, была поначалу ошарашена таким количеством народа на улице. Что быстро прошло. Ратмир даже начал хмуриться, когда заметил, как мой взгляд из заинтересованного стал скучающим и даже критическим.

Поселили нас в небольшом доме рядом с княжеским теремом. А вот тот, резной, был очень красив и вызывал ассоциацию со старыми сказками.

Как оказалось, меня вызвали не просто из интереса, а к молодой супруге князя, что умудрилась простыть, будучи на сносях. Думаю, её выходили бы и местные служители Трояна, но тут внёс лепту хазарский посол. Как нетрудно догадаться, он оказался тем самым «кавказцем», чей больной сын поссорил меня с батюшкой. Именно его восторженным похвалам я и была обязана неожиданной поездкой в эту региональную столицу.

Княгиня из-за токсикоза оказалась взбалмошной и нервной. Стараясь из-за этого много с ней не контактировать, я обычно просто отправляла обработанное моим «огнём» питьё или куски материи. По этой же причине при «вызовах» часто оставалась одна не на женской половине, а в общих «гостевых» комнатах. Ну как одна. В компании какой-либо чернавки. Ратмир чаще всего что-то обсуждал в это время с князем в личных покоях. А может, они там просто медовуху пили. Кто знает?

Лечение заняло чуть больше недели, скорее всего, по причине отсутствия личного контакта с пациенткой, но и по окончании мы всё равно почему-то не уезжали обратно. Каждый день всё так же приходили в терем. Я коротала время в «гостевой» горнице, а батюшка – с «начальством». Было откровенно скучно, и я уже не знала, чем заняться.

– Вы уверены? – спросил приятный мужской голос с жутким акцентом, когда я, сидя за столиком с шахматами, думала над ответным ходом. У нас с княжеским советником Боремиром игралась долгая партия. Находиться со мной наедине ему было не положено, так что он обычно делал свой ход, когда я уже уходила домой.

– Вам нельзя тут быть, – сообщила я мужчине, заметив, что обязательная приставленная ко мне «охранница» приблизилась почти вплотную к моей спине.

– Не думать, что встречу такой красавиц на забытой господь земля!

Тяжело вздохнув, так как своего хода сделать мне так и не удалось, поднялась, намереваясь перейти на женскую половину, куда мужчинам был путь заказан.

– Негоже, боярин, – забасила чернавка, закрыв собою, когда этот новоявленный ловелас протянул руку, пытаясь схватить меня за рукав.

Интересно, если бы я позвала Ратмира и князя вместо того, чтобы сбежать, изменило бы это что-либо? Или участь его была неминуема?

***

– Ну как же так-то? Разве можно таким дурным силу отворяти? – гундосила под нос высокая дородная женщина лет тридцати, прохаживаясь по моей комнате в предоставленном нам князем доме. – Это ж надо... душа без пользы уходит... – поцокала она языком, рассматривая притихшее привидение. – Ведь ничего уже не изменить... эх...

При всей своей полноте двигалась дама легко и непринуждённо, словно вообще не ощущая собственного веса. Хорошо хоть из живых в комнате были мы с ней одни. Постоянно перемещаясь, она словно занимала всё пространство.

– Пора тебе, касатик... – заявила местная жрица Мары остановившись, и, прикрыв ненадолго глаза, зашептала слова заговора. В этот момент как будто плащ, сотканный из тьмы, окутал её фигуру, а вокруг ощутимо повеяло холодом. – Иди! – повелела женщина, и душа, колыхнувшись, истаяла.

– Он что-то успел сделать? – спросила она, аккуратно усевшись на лавку и рассматривая распростёртое на полу тело. – Мне стоит тебя осмотреть?

– Нет... – ответила, поёжившись. – Сейчас переоденусь – и можно будет пойти к мужчинам.

Жрица кивнула и, прикрыв глаза, откинулась на стену, всем своим видам показывая, что уходить и не собирается.

– Что будешь князю говорить, решила? – спросила она.

– Правду! – ответила я, вздохнув. – Что же ещё.

Ну а что можно тут сказать. У начала этой истории есть свидетель, а вычислить продолжение совершенно несложно. Зачем же портить враньём отношения с правителем?

Как я потом узнала, мужчину, что так неудачно мною заинтересовался, звали Матфей. Он входил в состав небольшой группы из Константинополя, что недавно прибыла в Смоленск. Те уже несколько дней находились в городе и наконец добились приёма у князя. Не знаю, как так оказалось, но этот индивид умудрился просочиться мимо охраны и пойти гулять по «правительственному» терему, где и наткнулся на меня. А вот чего ему дальше спокойно не сиделось, понять не могу. Оказывается, этот византийский Казанова смог где подкупом, а где и лаской выяснить обо мне информацию и даже попытался «подъехать» к Ратмиру с вопросами. Батюшка его культурно «послал», ведь, по идее, меня сватать скоро приедут.

Как оказалось, грек на этом не остановился. К князю приходили люди с намёком, что скугревский боярин-де много о себе возомнил. «Берега попутал»... М-да... наезды не в нашем веке придумали. Всё уже случалось в этом мире когда-то.

Решив лишний раз не нарываться, батюшка задумал наконец вернуться, и мы готовились к отплытию. Может, с нашим отъездом всё и успокоилось бы?.. Но, Матфей отказа, как оказалось, не принял. И этой ночью решил «попытать счастья».

Окна в эти времена на ночь ставнями закрывались. Темень полная, но оставляли горящую лучину. Потому авантюрист пошёл через дверь. Уж способности византийца к незаметному проникновению были великолепны. Пара слуг впоследствии были найдены оглушёнными.

Проснулась я от навалившейся тяжести и какой-то скованности. Грек просто придерживал обе мои руки одной своей, шаря другой по всему моему телу. Он что-то шептал, пытаюсь заткнуть мне рот своими губами. Трепыхания моего мелкого тельца ему почти не мешали. Правда, мне удалось высвободить одну руку, и схватив насильника за волосы, я попыталась отодрать хотя бы его лицо от себя, чтобы закричать. Увы, кажется, небольшая боль его даже раззадорила.

– Кафто коритси... сас тейо[3]... – зашептал он, пытаюсь поймать мои губы.

Почувствовала, как в меня упирается мужская плоть, а ноги старательно разводят в сторону... в голове что-то перемкнуло. Волна обжигающей ярости прокатилась по телу, и я с криком оттолкнула мужчину.

В какой-то миг в глазах византийца промелькнуло удивление, но затем тело, словно получив дополнительный толчок, оторвалось от меня и отлетело к стене, сползая по ней на пол.

Почувствовав облегчение, я ненадолго прикрыла глаза, но затем распахнула их вновь, потому как услышала жуткий вопль. В моих пальцах застряли чёрные волоски с головы греческого ловеласа... а также призрачная прядь мужчины, душу которого я, как оказалось, выдернула из тела.

– Чтоб ты!.. – высказала всё, что думала о ночных посетителях.

Вскочив с кровати, аккуратно запалила дополнительную лучину и подошла к телу, пытаясь нащупать пульс. Тишина. Хотя какая тут, к лешему, тишина. Эта гадская душа голосила так, что я себя не слышала. Вот же...

– Может получится впихнуть тебя обратно? – спросила повернувшись, и только тогда этот гад замолчал.

Попытки втолкнуть и по-прессовать окончились неудачей. Я вздохнула и, надев подобие домашнего халата, что сшила себе ещё зимой, зажгла уже фитиль в плошке и отправилась к Ратмиру. В любом случае сама от этого тела я не смогу избавиться. Не та весовая категория.

Батюшка спокойно спал, когда я ввалилась в его комнату. Не дослушав меня до конца, боярин взвился и понёсся ко мне, топоча, как стадо бизонов. Бросилась за ним. Как он в темноте ориентируется здесь?

Ратмир стоял на коленях над полуголым телом и тихо матерился. В мою сторону он старался даже не смотреть. Забрав у меня плошку, проверил голову, тело, руки и не нашёл никаких повреждений. Даже синяков не было.

– Ты же сказала, что Мара отпустила тебя, – тяжело вздохнул мужчина.

– Так и есть, батюшка! – говорить старалась ровно и не сорваться в истерику.

– А что же это, по-твоему? – спросил он, сжав кулак, сдерживаясь, чтобы не перейти на крик.

– Не знаю. Я сама не поняла.

– Сиди здесь! – выпалил он и выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

До прибытия жрицы Мары, что представилась Томилой, я сидела на лавке, уставившись на горящий огонёк. К крикам души почти не прислушивалась, пытаясь осознать произошедшее.

Когда мы вошли в комнату, где сидели Ратмир с князем, уже рассвело и сквозь небольшие окна лился неяркий свет. Приготовившись к моральной «порке», я встала перед столом и склонила голову. За моим плечом остановилась жрица.

– Прости меня, Любава, на мне вина за подобный разбой, – вдруг услышала я голос князя.

– И где он только тебя увидал? – произнёс он задумчиво.

– А разве?.. – и я рассказала о нашей неожиданной встрече во внутренних комнатах княжеского терема.

– Надо было раньше тебя отвезти, как сообщение получил, – заявил Ратмир.

– Какое?

– Преслава умерла... вот я и думал, тут тебе пока лучше будет.

—

[1] Из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»

[2] Никколо Макиавелли (1469–1527) – итальянский мыслитель, политический деятель, философ. Считается отцом современной политологии. В своей книге «Государь» утверждал, что политика всегда сопровождается обманом, предательством и преступлениями.

[3] Жаркая девчонка, хочу тебя.

ГЛАВА 8

Ошарашенно рассматривала боярина. Почти месяц торчать здесь из-за смерти Преславы? Я же сказала ему, что Мара меня отпустила.

На лице Ратмира слишком явственно читались все одолевающие его чувства. Да, я унизила его своим неповиновением. Да, он сомневался, что уготованная роль жрицы теперь мне не грозит. Но... однажды он чуть не похоронил Любаву, и теперь, вспоминая этот тяжёлый момент, готов был спасти любимую дочь, руководствуясь собственными представлениями о пользе и правильности.

– Так что с телом недоброго молодца делать будем? – неожиданно влезла в разговор Томила, обойдя меня и усевшись на соседней лавке с князем. – Если всё так, как Любава поведала, то этот Матфей соглядатаем был.

Хм... странное поведение для простой жрицы.

– Ты лучше скажи, принадлежит моя дочь Маре или нет? – резко спросил Ратмир.

Это его сейчас волновало больше, чем какой-то там грек.

Томила глубоко вздохнула, потёрла переносицу и произнесла.

– Знака принадлежности богине у неё нет. Это я могу сказать точно! – При этих словах боярин заметно выдохнул. – Но... учитывая, что она с лёгкостью вынула душу из своего обидчика... правительница Нави её отметила.

– Так ей замуж выходить можно? Али нет?

Жрица с интересом посмотрела на моё кислое выражение лица и ответила.

– Если это не великая любовь с её стороны, то я бы поостереглась. Хотя... с большим чувством тоже лучше с опаской иметь дело. Тут ведь... смотря как повернётся...

Ратмир обхватил голову руками и тихо замычал.

– Так всё же к лучшему, батюшка! Зорица Божидару замуж пристроит и успокоится. Мир в доме будет.

– А жить в семье она может? – тихо спросил Ратмир, не открывая лица.

– Если я правильно помню все слухи... матери у девицы нет, а супружница ваша особого расположения к ней не испытывает?

Боярин согласно кивнул.

– Если не хотите от жены раньше времени избавиться, то лучше им не жить под одной крышей... да и злить вашу дочь я не советую.

Батюшка опустил руки и отрешённо уставился в окно. Статус мой, к сожалению, скатывался в район плинтуса. Жрицей я не становилась, а значит, не получала и соответствующего положения. Жить с семьёй не могла, только не с Зорицей... следовательно, отрывалась от рода. Выдать замуж он тоже меня не мог. В порыве страсти или злости я могла угробить супруга.

В общем... полная жо... жирная такая...

– Так ты говоришь, он появился в княжеской горнице в полном одиночестве? – разбил Ярополк долгое наше молчание.

– Так и было, княже, – вырвалась я из задумчивости и посмотрела на правителя.

– Значит, всё-таки соглядатаи, а не купцы, – с сожалением произнёс мужчина.

– Если это спекуляторы[1], то их должно быть двое, – задумчиво произнесла Томила. – А учитывая, с какой лёгкостью он вошёл в дом, сомневаться не приходится.

– И где теперь искать напарника?

М-да... какие, однако, странные разговоры ведёт жрица с князем. И так запросто...

– Так самое место на торгу ему быть! – неожиданно даже для себя заявила я. – Тут и свежие новости, и сплетни услышать можно. Кроме того, затеряться в толпе, если нужно, не проблема!

Все присутствующие изумлённо на меня уставились. А что такого? Шпионы не в двадцатом веке появились. Ещё с древности известна эпопея о противостоянии разведчиков Рима и Карфагена. Как бы ни был велик гений Ганнибала... информация о противнике даёт больший шанс на победу.

Но не только Запад тут прославился. К примеру, почти все походы Вещего Олега были похожи на шпионские истории. Обычно в планируемый к захвату город высылались одинокие странники для сбора информации. Выявлялись склады, места базирования, маршруты правителя. Затем собирался небольшой отряд из лучших воинов, и точечным ударом избавлялись от властителя. И тут к городу подходил Олег...

Или княгиню Ольгу[2] вспомнить... вот кто был кровавым, но расчётливым политиком, поставившим разведку и контрразведку на предельную мощь для достижения своих целей. Ничто женщину не останавливало. Правда... насколько я поняла, Рюрик сюда пока не явился, так что ничего из известного мне ещё не произошло.

Но вот такие большие знания Томила настораживали. Особенно всякие бросаемые ею термины. Не так проста эта жрица.

– А ведь девица права... – задумчиво произнесла женщина, с интересом разглядывая меня. – Для эмиссара этот византиец вёл себя слишком нагло, а для аркана[3] слишком умел и незаметен.

– Эх, сестра... из тебя бы вышла великая поленица[4], – с грустью в голосе и любовью во взгляде произнёс князь.

– С богами не спорят, брат, – ответила ему с улыбкой жрица.

– Так вы не отдадите грекам тело Матфея? – спросила я с интересом.

– А зачем нам такой скандал? – вернув серьёзное выражение лица, ответил Ярополк. – Как доказать его срамные намерения? На нём же ни отметинки нет. Да и на твою честь позор наводить смысла не вижу. Скажут, убили где-то да и затащили в дом, подговорив девицу очернить иноземца.

– А вот найти напарника и допросить... стоит! – задумчиво произнесла Томила.

– А можно мне поучаствовать?! – спросила, глядя с надеждой.

– В допросах? – с изумлением поинтересовалась жрица, и к ней прибавился заинтересованный взгляд князя, он даже голову склонил набок.

– В поисках, конечно! – ответила восторженно. М-да... подростковые гормоны Любавы шалят.

– Перун Всесильный! – вскочил Ратмир, бешено вращая глазами. – Какие поиски? Какие допросы? И это моя дочь? Что Мара с тобой сотворила?

После подобного высказывания Томила хмуро уставилась на боярина и недовольно покачала головой. Тот осёкся, но решимости во взгляде не утратил.

– Можем ли мы вернуться домой, княже? – спросил Ратмир уже более спокойно. Но, судя по набычившемуся взгляду, отказ он нормально не воспримет.

– Конечно, друг мой. Через несколько дней будет отплывать ладья, что доставит вас.

Придя таким образом к консенсусу, мужчины занялись наведением порядка. То бишь избавлением моей спальни от трупа хитро-мудрого грека. Были вызваны доверенные люди, что не болтают попусту. Хорошо хоть Томила присутствовала, когда парочка молодых воинов, побряцывая оружием и кольчугами, прибыла вынести Матфея, завернув того в кусок холщовой материи. Ведь все знали, кто живёт в этом доме, а женские вещи и побрякушки, находящиеся по периметру комнаты, явно говорили о том, кто именно здесь ночевал. Благо жрица Нави привела тело в относительный порядок, и то не смущало добрых молодцев спущенными порт-

ками. Может быть, парни как-то и прокомментировали бы происходящее, но ледяной взгляд сестры князя быстро отбил у них подобное желание.

Я же старательно делала вид, что происходящее ко мне вообще не имеет никакого отношения.

Что сказать... Эти несколько дней превратились в полноценную неделю. Пока Ярополк отвлекал батюшку подарками и закупками, Томила аккуратно расспрашивала меня. Ей были интересны мои соображения о соглядатаях и их работе. И странно, жрица так ни разу не спросила, откуда у меня такие мысли. Ведь, судя по словам Преславы, моя душа должна была уже полностью соединиться с телом, а метки подселения – исчезнуть. А может, жрицы видят больше? Или Преслава недоговаривала... или конкретно эта обладает куда большими знаниями.

Обратная дорога прошла спокойно. Правда, Ратмир теперь не трясся надо мною. Под удивлённые взгляды нового хирда, приданного нам в охрану, первым же вечером я спокойно, без сопровождения, бродила по берегу, с удовольствием разминая ноги. Батюшка только просил далеко не отходить. Всё-таки зверьё в лесах никто не отменял. Некоторые варяги же поглядывали с определённым интересом, что не осталось незамеченным. В конце концов, не выдержав ноющие шепотки кормчего[5], боярин на ужине заявил во всеуслышание, что я проявленная жрица Мары. И все, выказывающие интерес, делают это на свой страх и риск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.